

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

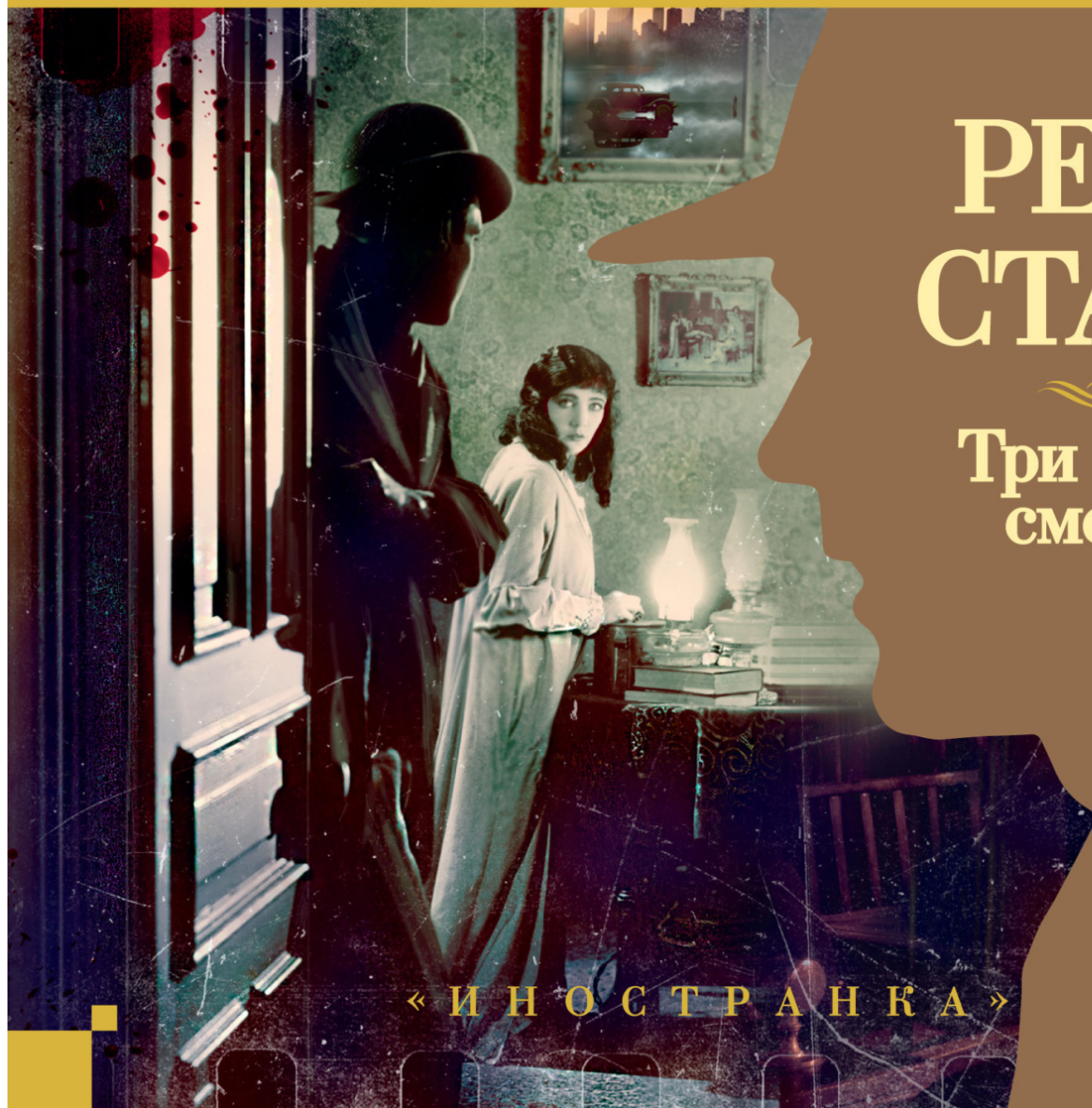

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Три двери
смерти

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Три двери смерти

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Три двери смерти / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1950 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19412-0

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В сборник «Три двери смерти» вошли повести, в которых Вулф расследует небольшие, но тем не менее очень интересные дела.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19412-0

© Стаут Р. Т., 1950
© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Предисловие	6
Оживший покойник	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рекс Стаут

Три двери смерти

© 1950 by Rex Stout Three Doors to Death

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Никиты Вуля, Анатолия Ковжуна, Александра Санина Серийное
оформление Вадима Пожидаева

© Н. А. Вуль, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Предисловие

Просматривая описания этих трех дел, мне показалось, что они могут дать человеку, незнакомому с Вулфом, неправильное представление о нем, а потому я подумал, что не помешало бы вставить предисловие. Оно рассчитано на тех, кто ранее не встречал Вулфа. Только в одном из этих дел за работу ему заплатили – я имею в виду деньгами. Возможно, кто-нибудь сделает совершенно нелогичный вывод, который в результате обернется досадой или даже неприятностями. Спешу пояснить: Вулф не раскрывает убийства просто так. Он делает это, чтобы зарабатывать на жизнь, в том числе и на мою. И если он не будет выплачивать каждую пятницу мне жалованье, то не сможет вести тот образ жизни, который ему нравится. Хочу обратить ваше внимание, что на самом деле в двух других случаях Вулф действительно что-то получил: в одном – удовлетворение оттого, что помог старому и дорогому другу, а в другом – садовника, заменившего Теодора.

Вот с учетом этого предупреждения мне и понравилась идея соединить три дела под одним названием, потому что они образуют сложную комбинацию пар. В двух из них Вулф не получил гонорар. В двух из них он должен был забыть документ, чтобы переломить ситуацию. В двух из них убийство было чисто семейным делом. В двух из них я познакомился с молодой женщиной, но не с той, которая была так близка к убийству. Поэтому я думаю, что, объединенные под одним общим названием, они будут немного более интересными, конечно, если люди не начнут мне звонить с просьбой, чтобы я уговорил Вулфа раскрыть убийство в качестве подарка. Я просто предупреждаю вас.

Арчи Гудвин

ОЖИВШИЙ ПОКОЙНИК

Глава 1

– «Домери и Нидер», – произнесла она ласкающим слух голосом; внимать ей было такое удовольствие.

– Будьте любезны, по буквам, – вежливо попросил я.

Мне хотелось уточнить, как пишется «Домери». «Нидер» я уже успел занести к себе в блокнот. Именно такую фамилию носила моя собеседница – Синтия Нидер.

Выражение ее очаровательных светлых глаз тут же изменилось, будто девушка заподозрила, что я шучу. Она смотрела на меня так, словно я спросил, как пишется фамилия Шекспира или Чарли Чаплина. Судя по всему, я являл собой образ воплощенной невинности, поэтому посетительница вежливо улыбнулась и произнесла по буквам:

– «Дэ», «о», «эм», «е», «эр», «и», – при этом добавив: – Седьмая авеню, дом четыреста девяносто шесть. Вот до чего доводит зазнайство и самоуверенность. Считаешь, что имя твоей компании гремит на весь свет, а тут кто-то уточняет, как оно пишется. Интересно, как бы вы отреагировали, если бы кто-нибудь поинтересовался у вас, как пишутся имя и фамилия Ниро Вулфа?

– Спросите – и узнаете, – предложил я, улыбнувшись в ответ, и протянул руку. – Давайте нащупайте пульс и задайте этот вопрос. Но умоляю, не просите меня произнести по буквам имя и фамилию Арчи Гудвина. Тогда вы действительно сделаете мне больно. Дело в том, что Арчи Гудвин – это я.

Вулф недовольно заворчал и заерзал в изготовленном на заказ, специально для него, кресле, стараясь поудобнее разместить свое массивное тело весом в несколько сот фунтов.

– Вы договорились со мной о встрече, – произнес он. – Полагаю, вам нужен частный детектив. Если так, скажите, зачем я вам понадобился. И не потакайте мистеру Гудвину, а то он тут же начнет вести себя как мартовский кот. Ему много не надо.

Я решил пропустить его колкость мимо ушей, хотя он был явно несправедлив. Я куда разборчивее мартовского кота. Моя снисходительность объяснялась довольно просто: Вулф только что купил новый «кадиллак-седан», а это означало, что у меня, Арчи Гудвина, появилась новая машина. Из четырех обитателей особняка Вулфа из бурого песчаника на Тридцать пятой улице, рядом с Гудзоном, машину вожу лишь я один.

Сам Вулф полагает, что все движущиеся механизмы созданы с единственной целью – его погубить. Из дому он выходит редко, причем по делам – практически никогда. Сидит у себя в кабинете на первом этаже и шевелит в основном мозгами, да и то когда мне удастся его к этому принудить.

Наш повар и дворецкий Фриц Бреннер машину водить умеет, но тщательно это скрывает, а кроме того, не имеет водительских прав.

Цветовод Теодор Хорстман, лелеющий орхидеи в оранжерее на крыше, предпочитает полезные для здоровья пешие прогулки и, несмотря на возраст, все еще пытается доказать их пользу на практике.

Таким образом, обязанность водить машину лежит на мне. Мало того что я главный помощник Вулфа в сыскной работе, бухгалтер и стенографист, назойливый овод, который не дает ему бить баклуши, и маховик, приводящий все в движение, так мне еще приходится выполнять работу шофера и мальчика на побегушках. Следовательно, новая машина, по сути, была моей. Потому-то в знак признательности я решил разок спустить Вулфу колкость, когда он обозвал меня мартовским котом. Кроме того, машина обошлась нам довольно дорого,

между тем как мы вот уже целую неделю сидели без дела. А сейчас в воздухе пахло заданием, а значит, и гонораром. У голубоглазой красотки явно водились деньжата. Ответь я Вулфу шпилькой на шпильку, он мог бы расвирепеть, пойти вразнос и оскорбить заодно нашу гостью, лишив нас работы.

В итоге я лишь понимающе улыбнулся Синтии Нидер, взял ручку и блокнот и прочистил горло.

Глава 2

– «Домери и Нидер», – начала Синтия, – весьма достойная компания. Как и все те, что расположены на Седьмой авеню и Пятьдесят седьмой улице... Впрочем, вы не торгуете одеждой, потому название фирмы вам ничего не говорит... Однако, думаю, вашим женам оно наверняка знакомо.

Вулф содрогнулся.

– Мы не женаты, – твердо произнес я. – Оба. Именно поэтому ведем себя как мартовские коты.

– Вот как? Что ж, если бы вы были женаты, то ваши супруги непременно знали бы о «Домери и Нидер». Мы шьем платья, мужские костюмы, пальто – все высочайшего качества. Наш модный дом занимает определенное положение. Даже здесь, в Нью-Йорке. Фирму основали двадцать лет назад два человека – Джин Домери и Пол Нидер... Дядя Пол... брат отца. Она...

– Прошу прощения, – перебил ее Вулф, – чтобы сберечь наше время, сразу хочу предупредить, что не занимаюсь промышленным шпионажем.

– Я в курсе, – отмахнулась она. – И вообще, не затем сюда явилась. Я решила обратиться к вам из-за него, из-за моего дяди. Дяди Пола. – Она нахмурила брови и уставилась в окно за столом Вулфа, словно что-то в нем увидела, потом едва заметно пожала плечами и снова перевела взгляд на Вулфа. – Наверняка вам нужно знать предысторию случившегося. Думаю, так все будет понятнее. Домери отвечал за деловую сторону – занимался организацией производства и управлением, сбытом продукции. А дядя Пол являлся дизайнером, модельером. Если бы не он, Домери нечего было бы продавать. Компания принадлежала им обоим – они имели равные доли. Когда мой дядя год назад покончил с собой... Понимаете, официально объявили, что он свел счеты с жизнью... Так вот, его доля перешла по наследству ко мне.

При этих словах у меня в голове промелькнули две мысли. Первая: я оказался прав, предположив, что наша гостя – весьма состоятельная особа. И вторая: похоже, нам предстоит доказать, что суицид на самом деле был убийством.

– Думаю, вам нужны подробности, – продолжила Синтия. – Несколько слов о себе. Я родилась и выросла на Западе, в Орегоне. Отец с матерью умерли, когда мне было четырнадцать. За мной прислал дядя Пол. Я перебралась в Нью-Йорк и поселилась у него. Он не был женат. Не могу сказать, что мы хорошо ладили. Наверное, потому, что слишком похожи. Я, как и он, человек творческий. На самом деле все было не так уж и плохо. Просто мы постоянно ссорились. Впрочем, когда доходило до выяснения отношений, он всегда мне уступал. Он хотел заставить меня пойти в колледж. Однако я, как уже сказала, человек творческий. Мне было понятно, что учеба обернется пустой тратой времени. Мы ругались из-за колледжа чуть не каждый день. В итоге он заявил, что я должна сама зарабатывать себе на жизнь, раз уж не желаю учиться. И что, по-вашему, он сделал? Предложил мне работу модельера в компании «Домери и Нидер» по самой высокой ставке! Теперь понимаете, что за человек был мой дядя? Чудесный, на самом деле. Он обучил меня азам, помог разобраться в том, что такое дизайн... Само собой разумеется, он пошел на это только потому, что знал о моем необычном таланте.

– О каком именно? – скептически поинтересовался Вулф.

– Модельера. О каком же еще? – ответила Синтия таким тоном, словно все другие таланты просто не заслуживали упоминания. – Все это случилось три года назад. Мне было восемнадцать, опыта никакого... Два года ушло только на то, чтобы освоить профессию. Однако за это время мне несколько раз подвернулась возможность показать, на что я способна. И что самое удивительное, дядя охотно мне помогал. Обычно модельеры ревниво оберегают свои находки и приемы, но только не мой дядя. А потом он поехал в отпуск на Запад, и оттуда

пришло известие, что он покончил с собой. Пожалуй, мне следует объяснить вам, почему меня не удивила весть о самоубийстве дяди.

– Пожалуй, – не стал спорить Вулф.

– Да потому, что я знала, как он несчастен. Хелен Домери погибла. Отправилась на прогулку верхом, лошадь понесла и сбросила ее на камни. Хелен разбилась. Она была женой Домери... Дядиною компаньюна. Дядя ходил по ней с ума. Она была моделью в их модном доме... Гораздо моложе Домери... Думаю, дядя Пол за всю свою жизнь по-настоящему любил только ее... Всем сердцем. На этот счет у меня нет никаких сомнений. Хелен не отвечала ему взаимностью. Она вообще не любила никого, кроме самой себя. Полагаю, это не мешало ей, однако, строить ему глазки. Хелен нравилось держать дядю на коротком поводке. Его, которого не могли завлечь в свои сети другие женщины. А от нее это не требовало ровно никаких усилий.

Я не стал фиксировать в блокноте тот факт, что мисс Нидер не одобряла миссис Домери, хотя мог бы под этим подписаться.

– Смерть Хелен полностью сломила дядю, – продолжила Синтия. – Прежде я и представить себе не могла, что человек способен так сильно перемениться. Я еще жила в его квартире, поэтому все происходило на моих глазах. Три дня он молчал – ни словом не перемолвился со мной или с кем-то еще. Не выходил из дому – и это в самый разгар подготовки к показу осенней коллекции! Потом вдруг заявил, что должен отдохнуть. Через четыре дня я получила известие о том, что он покончил с собой. Тогда, в тех обстоятельствах, мне это не показалось странным.

– А сейчас? – спросил Вулф, заметив, что девушка замолчала.

– А сейчас кажется, – с напором ответила она. – Способ самоубийства меня не удивил. Дядя был склонен впадать в экзальтацию и тяготел к драматическим эффектам. Он был не только лучшим дизайнером Нью-Йорка, но и первоклассным шоуменом. Представлялось вполне естественным, что, задумав свести счеты с жизнью, он, как бы сильно ни страдал, попытается эффектно обставить свое самоубийство. Так вот, он разделся и прыгнул в гейзер Йеллоустонского парка.

Вулф что-то негромко проворчал. Я посмотрел на девушку с восхищением: как спокойно, с какой выдержкой она сообщила о происшествии! Впрочем, она жила с этим вот уже год.

– Я читала в газете, что внизу, под гейзером, из-за давления в подземном канале, по которому бежит вода, ее температура значительно выше точки кипения.

– Верная смерть, – буркнул Вулф. – Так что же вас смущает в гибели вашего дяди?

– Да то, что на самом деле он не погиб. На прошлой неделе я видела его здесь, в Нью-Йорке. Он жив.

Глава 3

Моего оживления как не бывало. Я-то думал, что нам предстоит снять фальшивую личину суицида с убийства, а почувяв убийство, я всякий раз делаю охотничью стойку. В частном сыске убийство – нечто вроде стержня, на котором все держится. Согласитесь, газетный заголовок «Произошло убийство» так и притягивает взгляд. Синтия содрала этот броский анонс и заменила другим – «Человек остался в живых». Ничего интересного.

Кроме того, мне в голову пришла невеселая мысль: если дядя Пол жив, значит доля в компании по-прежнему принадлежит ему, а не нашей гостье. Отсюда следует логичный вопрос: а есть ли у нее деньги для оплаты наших услуг? Как мужчина, я по-прежнему не мог отказать ей в привлекательности: голос и внешность выше всяких похвал. Однако в профессиональном плане она лишилась для меня притягательности.

Короче говоря, я расслабился и швырнул блокнот на стол. Кстати сказать, мой стол расположен таким образом, что стоит мне сделать пол-оборота в своем вращающемся кресле, и я поворачиваюсь лицом к Вулфу, еще пол-оборота – и я уже напротив красного кожаного кресла, стоящего возле его стола.

Именно в это кресло мы обычно сажаем посетителей. Некоторые в нем не смотрятся. Однако Синтия, в клетчатом коричнево-желтом жакете нараспашку поверх темно-желтого, шелкового вроде бы платья и в кокетливом подобии коричневой шляпки, надетой набок, выглядела просто превосходно.

Почерпнувший от Лили Роуэн и из других надежных источников некоторые сведения о модной женской одежде, я решил, что, если Синтия сама придумала этот наряд, Вулфу следует засунуть куда подальше свои сомнения касательно ее таланта.

Тем временем Синтия продолжила рассказ о воскресшем дяде:

– Это произошло неделю назад, третьего июня, в прошлый вторник. Мы устроили для журналистов показ нашей осенней коллекции. Мы не устраиваем показы в отелях, поскольку у нас есть собственный демонстрационный зал на двести посадочных мест. Во время показов для прессы мы впускаем посетителей только по билетам. Иначе народу набьется столько, что яблоку будет негде упасть. Дядю я увидела, когда демонстрировала собственный ансамбль в сине-черных тонах из легкой саржи. Он сидел в пятом ряду, между Агнес Пембертон из «Вога» и миссис Гумперт из «Геральд трибьюн». Не спрашивайте, как мне удалось его узнать. Сама не понимаю. Однако я нисколько не сомневаюсь, что...

– А почему вы могли бы его не узнать? – строго спросил Вулф.

– Да потому, что он отпустил бороду, нацепил очки и прилизал волосы, расчесав их на левый пробор. Понимаю, мое описание звучит нелепо, а дядя Пол всегда чурался эксцентричности. Правда, борода его была аккуратно подстрижена, и потому он не очень сильно выделялся. Хорошо хоть я узнала его далеко не сразу. Иначе просто встала бы столбом на сцене и разинув рот уставилась бы на него. Потом, в костюмерной, Полли Зарелла спросила Бернарда Домери... Это племянник Джина Домери... Так вот, Полли спросила Бернарда, что это за мужик такой заросший сидел в зале. Бернард ответил, что понятия не имеет. Наверное, журналист из «Дейли уоркер». Понятное дело, большую часть приглашенных на показ мы знаем. Большую, но далеко не всех. Когда я вышла демонстрировать следующую модель – свободное сзади пальто длиной до щиколотки из гобеленовой ткани, – то неосознанно скользнула взглядом по бородачу и совершенно неожиданно поняла, кто это. Не догадалась, а именно поняла. Меня это настолько потрясло, что я прибавила шагу, торопясь уйти со сцены. В раздевалке все мои силы ушли на то, чтобы подавить дрожь. Мне хотелось броситься в зал и поговорить с ним, но как я могла? Это значило сорвать показ. Мне предстояло еще четыре выхода. В частности, я должна была продемонстрировать гвоздь коллекции – облегающее черное в белую полоску

платье и жакет из той же ткани, со слегка присборенными у плеч рукавами и двойной юбкой. Одним словом, мне надо было остаться до конца показа. Ну а потом, когда я бросилась в зал, его уже не было.

– Ну-ну, – пробурчал Вулф.

– Да, так все и произошло. Я вышла из зала к лифтам, но он пропал бесследно.

– И с тех пор вы его не видели?

– Не видела.

– Кто-нибудь еще его узнал?

– Не думаю. Уверена, что нет, иначе бы поднялся шум. Только представьте: человек восстал из мертвых!

Вулф согласно кивнул и спросил:

– А многие ли из присутствующих были знакомы с вашим дядей?

– Да практически все. Он был очень знаменит – почти так же, как вы.

Вулф пропустил комплимент мимо ушей.

– Вы уверены, что видели именно вашего дядю?

– Абсолютно. У меня нет ни малейших сомнений.

– Вы выяснили, под чьей личиной он приходил?

– Мне так и не удалось ничего о нем выяснить, – покачала Синтия головой. – Не хотелось расспрашивать слишком много народу, а те, к кому я обратилась, ничем не смогли помочь. Понимаете, – замявшись, добавила она, – приглаательные билеты на показ распространяются довольно свободно. Я не говорю, что мы раздаем их первым встречным на улицах, но человеку со связями не составит труда добыть приглашение. А у моего дяди, разумеется, связи были.

– Вы кому-нибудь рассказали о случившемся?

– Никому. Ни единой живой душе. Все это время я пыталась сообразить, что мне делать.

– А почему бы вам обо всем не забыть? – предложил Вулф. – Говорите, вы унаследовали после дяди половину... – Он поморщился. – Этой самой вашей компании?

– Да.

– Что-нибудь еще? Движимое или недвижимое имущество, ценные бумаги, счета в банке?

– Ничего. Он не оставил после себя никакого имущества, за исключением мебели в своей квартире. Адвокат сказал, что у дяди не имелось ни ценных бумаг, ни банковских счетов.

– Негусто, – хмыкнул Вулф. – Но вам теперь принадлежит половина компании. Она кредитоспособна?

– Полли Зарелла говорит, что в прошлом году наши доходы перевалили за два миллиона и дела продолжают идти в гору, – улыбнулась Синтия.

– Ну так махните на все рукой. Допустим, вашему дяде нравится носить бороду и прилизывать волосы. Что в этом такого? Если вы загоните его в угол, заставите побриться, смыть фиксатуар и снова стать самим собой, то лишитесь доли в растущих доходах. Они снова начнут отходить к нему. Я не стану заламывать цену за этот совет.

– Нет, – она решительно помотала головой, – я хочу знать, что происходит. Мне надо выяснить, на каком свете я живу. Я... – Она запнулась и прикусила губу, пытаясь сдержать свои чувства. Природа их оставалась для меня непонятной, но они явно готовились вот-вот вырваться наружу. Взяв себя в руки, она выдавила: – Я очень расстроена.

– В таком случае не торопитесь с решением. – Вулф был с ней на редкость терпелив. – Решения надо принимать на холодную голову. Кроме того, – он погрозил пальцем, – несмотря на всю вашу убежденность, вы можете заблуждаться. Допустим, вы узнали его, в отличие от всех остальных, потому что делили с ним кров и близко его знали. Однако есть и другие, знавшие вашего дядю не менее близко. Особенно хорошо его должен знать компаньон, мистер

Домери. По вашим словам, они проработали бок о бок двадцать лет. Мистер Домери присутствовал на показе? Он видел бородача?

Глаза Синтии широко распахнулись.

– Ой! – воскликнула она. – Разве я не... Мне показалось, я вам уже сказала... Конечно же, на показе был Бернард Домери, племянник Джина. Я о нем точно говорила... Но Джин Домери, компаньон моего дяди... его нет в живых!

Тут глаза Вулфа, полузакрытые на протяжении почти всего разговора, впервые приоткрылись пошире.

– Да ну, черт побери! И что же с ним случилось? Тоже прыгнул в гейзер?

– Нет, погиб в результате несчастного случая. Джин утонул. Поплыл рыбачить и свалился за борт.

– Где это случилось?

– Во Флориде. У Западного побережья.

– Когда?

– Дайте подумать... Сегодня девятое июня... Получается, полтора месяца назад. Может, чуть больше.

– Он был в лодке один?

– Нет, с племянником Бернардом.

– С ними был кто-нибудь еще?

– Нет.

– И половина компании, принадлежавшая Джину, отошла племяннику?

– Да, но... – Синтия нахмурилась и взмахнула рукой. Как я заметил, она любила жестиковать, причем делала это воистину грациозно, сущее загляденье. – Там все чисто.

– Что именно?

– Глупый вопрос, – решительно произнесла она. – Я просто хочу сказать, что, если бы в гибели Джина было что-то подозрительное, полиция Флориды непременно начала бы расследование.

– Допустим, – не без раздражения согласился Вулф. – Однако что за удивительная череда смертей! Миссис Домери упала с лошади и разбилась. Мистер Нидер прыгнул в гейзер. Мистер Домери свалился за борт и утонул. Это не мое дело, слава тебе господи, но на вашем месте я бы так не полагался на полицию Флориды. Вернемся к вашему дяде, – резко продолжил он. – Чего вы от меня хотите?

На этот вопрос у нее имелся ответ.

– Я хочу, чтобы вы нашли моего дядю. Я желаю его видеть.

– Превосходно. Дело это может оказаться долгим и недешевым. Вы готовы внести аванс в размере двух тысяч долларов?

Синтия даже глазом не моргнула.

– Конечно, – произнесла она тоном миллионерши. – Я сегодня же отправлю вам чек. Надеюсь, вы понимаете, что, как я уже упоминала в самом начале, речь идет о строго конфиденциальном расследовании. Никаких отчетов по телефону. Письменные отчеты передавать мне лично в руки. Ничего не пересылать по почте. Кроме того, у меня есть к вам одно предложение. – Она устремила взгляд ясных голубых глаз на меня, после чего снова перевела их на Вулфа. – Я бы с радостью поведала вам все, что знаю о коллегах дяди. Вот только сомневаюсь, что эти сведения будут вам полезны. Родственников, кроме меня, у него нет. Близких друзей, насколько мне известно, тоже. Кроме Хелен Домери, он никого больше не любил... Ну, быть может, питал теплые чувства ко мне... Думаю, питал... При этом он обожал свою работу и не мыслил жизни без мира моды. Полагаю, в прошлый вторник он явился на показ в первую очередь потому, что не смог остаться в стороне. По-моему, он не понял, что я узнала его. Так, может быть, явится снова? Если да, то, скорее всего, сегодня. Сегодня мы устраиваем большой

показ осенней коллекции для оптовиков. Именно поэтому я и попросила вас о встрече сегодня утром. На этот раз ему даже не понадобится билета. И у меня такое чувство, что он непременно придет. Я знаю, вы практически никогда не отлучаетесь из дому по делам. Но почему бы вам не послать на показ мистера Гудвина? Он сядет в первом ряду. Если я увижу дядю, подам условный сигнал. Единственное, нам надо быть осторожными, чтобы не испортить показ...

Вулф покивал ей.

– Превосходно, – объявил он.

Глава 4

В тот же июньский понедельник в 14:55 я вошел в дом 496 по Седьмой авеню и проследовал на лифте на двенадцатый этаж.

Поскольку отсюда было всего десять минут ходьбы до особняка Вулфа, изначально я намеревался пойти пешком. Однако Вулфу не терпелось начать тратить аванс, еще и не полученный даже. Он вызвал лучшего в мире сыщика на вольных хлебах Сола Пензера. Вместе с Солом мы загрузились в такси, за рулем которого сидел наш старый знакомый Херб Арансон, к чьим услугам мы часто обращались.

Теперь они оба остались в машине, припаркованной у тротуара. Поскольку Синтия не хотела, чтобы мы брали дядюшку Пола в оборот при большом скоплении народа, оставалось лишь сесть ему на хвост. Вести слежку в Нью-Йорке – дело непростое. Одному с этим не справиться. Поэтому мы хорошо подготовились: я буду следовать за объектом на своих двоих, а Сол – на колесах.

Перед уходом Синтия сообщила еще кое-какие подробности. Хотя по завещанию дяди ей отходила принадлежавшая ему половина компании, в права наследования она пока не вступила. Закон весьма щепетилен, когда речь идет об умерших, чьи останки не обнаружены.

Поскольку одежду Пола нашли рядом с гейзером, никто всерьез не сомневался в том, что он сварился в кипятке, хотя свидетелей самоубийства не имелось. В кармане его куртки было два письма – адвокату и племяннице Синтии. Они были написаны рукой Пола – с этим никто не мог спорить. Однако из-за юридических тонкостей процедура вступления в наследство тянулась, словно резина.

Насколько я понял, Джин Домери, который свалился за борт и утонул, тоже оставил завещание, и уже полтора месяца тянулась подобная же канитель с передачей его доли племяннику Бернарду. Такая вот картина нарисовалась у меня в голове, когда Синтия в двух словах описала свое положение в компании. Она пока по-прежнему работала манекенщицей, а моделированием в основном занимался некий Уорд Роупер, чье имя она произносила с тем же отвращением, что Уинстон Черчилль – имя Муссолини.

Когда Вулф стал задавать Синтии вопросы, я также узнал кое-что новое о Хелен Домери. Синтия не исключала, что Джин Домери знал об отношениях жены и компаньона, но все же в этом сомневалась – уж очень ловка и хитра была Хелен. Вулф поинтересовался обстоятельствами смерти миссис Домери, и Синтия рассказала следующее. Все случилось за городом на узкой тропинке, когда Хелен и Джин, как обычно по воскресеньям, отправились прокатиться верхом на собственных лошадях. Джин был единственным свидетелем гибели жены. Впрочем, добавила Синтия, теперь уже не так и важно, кто или что послужило причиной трагедии, поскольку сам Джин Домери тоже мертв.

Таким образом, если верить Синтии, заняться расследованием убийства нам не светило. Подвигнуть Вулфа к расследованию могло только наличие клиента с деньгами и веским поводом их потратить. Синтия не отвечала этим условиям. Ее дядя был жив, а за поимку убийцы Хелен Домери девушка не заплатила бы и цента. Что же касается Джина Домери, Синтия соглашалась с выводами полиции Флориды, не усмотревшей в его гибели ничего подозрительного.

Таким образом, когда я вышел из лифта на двенадцатом этаже, меня не мучили ни волнения, ни тревоги.

Я увидел открытые настежь двустворчатые двери и нескольких мужчин на пороге. Приблизившись, я наблюдал, как грузная дама, ехавшая со мной в лифте и поспешившая выйти из него первой, попыталась зайти внутрь, но один из мужчин заступил ей дорогу и вежливо спросил:

– Разрешите, пожалуйста, уточнить, из какой вы фирмы.

– Универмаг «Дрисколл», отдел пальто и костюмов, город Талса.

– Прошу прощения, – покачал головой мужчина, – но для вас в зале место не предусмотрено.

Неожиданно его лицо осветилось сердечной улыбкой. Я уж было подумал, что он смилуеться над приезжей, но обнаружил, что улыбка предназначалась другой даме, худощавой особе с большими, торчащими, как у свиньи, ушами, которая также ехала со мной в лифте.

– Добрый день, мисс Диксон, – сказал улыбающийся мужчина. – Буквально минуту назад о вас спрашивал мистер Роупер.

Мисс Диксон равнодушно кивнула и зашла внутрь. Я аккуратно обошел толстуху из Талсы, которая тряслась от ярости, не в силах что-либо предпринять, и тихим, хорошо поставленным голосом сказал мужчине:

– Моя фамилия Гудвин. Ассоциация «Ткани Британии». Я здесь по приглашению Синтии Нидер. Мне подождать тут, пока вы справитесь у нее?

Он окинул меня взглядом, но я даже глазом не моргнул. Бояться нечего. На мне был шерстяной костюм, сшитый у Бреслоу, и рубашка с галстуком под стать.

– В этом нет необходимости, – наконец заключил он и жестом пригласил меня в зал.

Внутри оказалось битком народу. У меня ушло несколько минут, чтобы отыскать свободное место поближе к сцене, откуда я разгляжу сигнал Синтии. Она должна была левой рукой сдвинуть прядь волос вправо.

Я не видел смысла излишне осторожничать, поэтому, прежде чем сесть, медленно огляделся, как будто искал вокруг знакомые лица. Людей в зале набралось почти две сотни. И я с удивлением обнаружил, что треть присутствующих – мужчины, хотя Синтия объяснила, что на показ соберутся не только оптовики со всей страны, но и директора магазинов и отделов, президенты, вице-президенты, журналисты, пишущие о моде, торговцы тканями и прочая публика.

Ни одного бородача я не заметил.

Прежде чем опуститься на сиденье, я взял с него блокнот и карандаш. На каждом листе блокнота в верхнем углу было отпечатано: ДОМЕРИ И НИДЕР и адрес компании. Кинув взгляд на соседей, я понял, что должен записывать туда номера моделей, которые собираюсь приобрести.

Справа от меня сидела полная седовласая дама; по ее шее, сразу под ухом, текла капелька пота. Слева расположилась привлекательная женщина с очаровательным ротиком. Она была довольно молода, но для меня все же старовата. И та и другая лишь скользнули по мне равнодушными взглядами.

Все обшитые деревянными панелями стены высокого зала были сплошь покрыты эскизами и фотографиями. Помимо них и нас, сидящих в креслах, ничего примечательного тут не наблюдалось, за исключением высокого подиума в пространстве между стеной позади него и первым рядом кресел. В стене виднелись две двери, отстоявшие друг от друга на двадцать футов. Через одну-две минуты после того, как я опустился в кресло, левая дверь отворилась и вышла женщина. По возрасту она годилась мне в матери, но и только. Моя мать и за год не израсходует столько помады, сколько было на губах женщины. Кроме того, моя матушка никогда бы не согласилась на такие внушительные плечики, чего бы там ни требовала высокая мода.

Дама на мгновение застыла, обводя присутствующих взглядом, затем повернулась и дала знак кому-то невидимому за дверью. Затем она прикрыла дверь и направилась к креслу в конце первого ряда, по-видимому оставленному специально для нее. Не успела она сесть, как дверь снова открылась и вышла девушка, на которой я не задумываясь женился бы. Я аж зубы стиснул, чтобы не присвистнуть. Поначалу мне показалось, что мои чувства разделяют все присутствующие на показе мужчины, поскольку зал замер в напряжении. Только потом до меня дошло, что заставило напрячься оптовиков. Им предстояло сделать ставку: либо пан, либо

пропал. На кону стоял их бизнес. Они должны были выбрать из множества моделей, вложить в закупки многие тысячи долларов и не промахнуться, решая, что будет пользоваться популярностью у покупателей, а что – нет.

Любой, будь он даже слеп на один глаз, остановил бы выбор на этой девушке, но тут выбрали не девиц. Манекенщица взошла на подиум, приблизилась к переднему краю, широко развела руки в стороны и произнесла ясным, приветливым голосом: «Шесть-сорок-два». Модель шесть-сорок-два представляла собой ансамбль из платья и пальто, вроде бы шерстяных. Да, пожалуй, это была шерсть. Цвет я назвать затрудняюсь – такого оттенка бывают кленовые листья в октябре. Девушка старательно демонстрировала свой наряд. Прошла в одну сторону, потом в другую, несколько раз взмахнула руками, будто желая доказать, что швы выдержат, даже если она ввяжется в драку или займется сбором падалицы в саду. Затем повернулась спиной к публике, чтобы продемонстрировать, как одежда сидит на ней сзади. В общей сложности она повторила номер модели раза четыре через равные промежутки времени, четко и любезно. Произносила его так, словно сообщала некую тайну своим закадычным друзьям, в которых души не чаяла. Когда же манекенщица сняла пальто, перекинула его через руку и, вздернув подбородок, улыбнулась зрителям в заднем ряду, кое-кто даже заплодировал.

Она скрылась за правой дверью, и тут же отворилась левая, выпустив еще одно прелестное создание, на котором я тоже не раздумывая женился бы. Эта была блондинкой, в серой меховой накидке, отороченной ярко-красным. «Три-восемьдесят и четыре-девятнадцать».

Прислушавшись к шепоту соседней, я уяснил, что 380 – номер накидки, а 419 – красного вечернего платья, которое девушка продемонстрировала, сняв накидку. Сверху спереди платье было довольно простеньким, прикрывая все, что нужно, а сзади оказалось еще проще – началось только от талии, целиком оголяя спину. Сидевшая справа от меня дама прошептала своей соседке: «Черт подери, у меня как раз есть клиентка, которая бы такое платье с руками оторвала, вот только я не рискну ей его продать!»

Хочу сразу же кое-что прояснить. За весь показ перед нами предстало шесть девушек, считая вместе с Синтией Нидер, и я не задумываясь женился бы на каждой. А почему нет? Каждая продемонстрировала около дюжины нарядов. Кто-то из этих прелестниц появлялся на сцене реже, кто-то – чаще. Под конец я был настолько ошеломлен и обескуражен, что просто не знал, как поступил бы на месте оптовиков, которым приходилось выбирать модели. Скорее всего, купил бы все.

Вечером, доложив Вулфу о том, что поездка прошла впустую, я принялся рассуждать:

– Только подумайте, что было бы, женись я на всех сразу! Мне бы пришлось подыскать квартиру попросторнее. Где-нибудь между Пятой и Мэдисон-авеню, в районе Шестидесятых улиц. Представьте себе: очаровательный осенний вечер. Я сижу в гостиной и читаю газету. Потом отбрасываю газету в сторону и хлопаю в ладоши. Заходит Изабель. На ней кухонный передник до середины икры с двойным подолом. В руках кувшин с молоком и тарелка сэндвичей с ветчиной. Она соблазнительно произносит: «Два-девяносто-три» – и грациозным движением ставит на стол рядом со мной тарелку и кувшин, не проливая ни капли, а затем удаляется. Появляется Франсина. На ней обтягивающая пижама: верх с накладными плечиками и штаны с заниженной талией. Она, кружась, приближается ко мне и четыре раза повторяет: «Девять-тридцать-один», потом прикуривает мне сигарету и, танцуя, уходит. Наступает очередь Делии. На ней стильный бюстгальтер из кружева ручной работы с выступающими...

– Пф! – резко произнес Вулф. – А потом заходит еще одна, нагая. В руках у нее корзина со счетами, твоя чековая книжка и ручка.

Что тут поделаешь? К прекрасному полу Вулф относится предвзято.

Однако вернемся к показу. Он длился больше двух часов и, судя по аплодисментам, прошел весьма успешно. По всей видимости, дела «Домери и Нидер» и дальше будут идти в гору. На мой взгляд, звездой показа стала Синтия, в чем со мной были склонны согласиться осталь-

ные присутствующие. Ее наряды срывали настоящую овацию, в которую, не скрою, вносил немалую лепту и я. Как гость Синтии, я считал своим долгом от души хлопать именно ей. Из комментариев соседки справа, дамы явно осведомленной, я узнал, что все демонстрируемые наряды Синтия придумала сама. Прочие туалеты создал Уорд Роупер, в прошлом помощник Пола Нидера. По словам авторитетной дамы справа, Уорд был хорошим имитатором, но не более того.

Тем же вечером я все в подробностях изложил Вулфу. Сделал это по нескольким причинам. Во-первых, знал, что ему будет скучно, а мне хотелось его позлить. Во-вторых, желал показать, что не спал во время показа, хотя толку от этого – кот наплакал.

Поскольку результатов от моей поездки было негусто, сперва я изложил их на одном дыхании:

– Следуя указаниям Синтии, я проник в зал, нашел себе место в пятом ряду, окинул взглядом посетителей, числом около двухсот, однако ни одного бородача не увидел. Затем я сел. Мисс Нидер выходила на сцену четырнадцать раз. Условного знака так и не подала. Когда она появилась после окончания показа, ее тут же окружила толпа. Опять же согласно инструкциям, я не стал пробиваться к ней. Спустился вниз, сел в машину, сказал Солу, что на сегодня у нас больше нет дел, и сунул Хербу Арансону десятку.

– Что дальше? – проворчал Вулф.

– Дальше надо думать, а это уже ваш удел. Мы не вправе пойти против воли клиента и поставить на уши полицию. Можем обратиться к частным сыскным агентствам, чтобы они прочесали город. Или попытаться счастья на очередном показе для оптовиков, который, как вы знаете, состоится в четверг в десять часов утра. Или же вспомнить, что именно мисс Нидер говорила о личных бумагах дяди.

– Она даже не уверена, существуют ли эти бумаги, – устало отозвался Вулф. – По ее предположению, если они и были, их забрал и спрятал Джин Домери, а теперь в них вцепился мертвой хваткой его племянник Бернард. При всем том она считает, что способна их отыскать.

– Прекрасно. Значит, вы признаёте, что она способна думать. Почему бы вам тоже не пораскинуть мозгами? Пока вы только возражаете, а думать отказываетесь. Вы подумайте.

Этот разговор состоялся у нас перед обедом. Если Вулф после нашей беседы все-таки решил пораскинуть мозгами, то тщательно это скрывал. Покончив с едой, он вернулся в кабинет и засел за книгу. Ну разве не отвратительно? Как-никак нам поручили расследование.

Вот тогда-то я, дабы сохранить лицо, стал подробно рассказывать о показе в «Домери и Нидер». По крайней мере, это мешало ему читать.

Изложение фактов заняло у меня около часа. Затем я перешел к комментариям: «Только подумайте, что было бы, женись я на всех сразу! Мне бы пришлось подыскать квартиру...» Впрочем, об этом я уже рассказал.

На следующее утро, во вторник, Вулф все так же бездельничал. Когда мы раскручиваем дело, он обычно, пока я завтракаю, дает мне задание, прежде чем отправиться в оранжерею, где с девяти до одиннадцати проводит время с Теодором и орхидеями, а тут ни словом не обмолвился. В одиннадцать утра Вулф спустился из оранжереи, зашел в кабинет, сел за стол, устроился поудобнее, позвонил Фрицу принести пива – два коротких звонка – и снова взялся за книгу. Даже когда я показал ему чек от Синтии на две штуки баксов, полученный с утренней почтой, Вулф лишь равнодушно кивнул. Я возмущенно фыркнул и быстрым шагом направился на улицу. Чтобы заняться хоть чем-нибудь, я решил сходить в банк и положить деньги на наш счет. Вернувшись, я обнаружил, что Вулф по-прежнему поглощен чтением и приступил уже ко второй бутылке. Похоже, он все-таки решил отправить меня в четверг на очередной показ коллекции для оптовиков.

В час дня мы с Вулфом через прихожую прошли в расположенную напротив кабинета столовую, где Фриц подал на ланч куриную печенку с половинками жаренных в масле помидо-

ров, украшенных рубленным сладким перцем и петрушкой, а потом рисовые лепешки с медом. Я не особенно налегал на печенку, поскольку очень уж люблю рисовые лепешки Фрица. Когда в дверь позвонили, я уминал пятую, а то и шестую.

Когда мы едим, дверь всегда открывает Фриц. Кстати сказать, Вулф является ярким противником атомных бомб – в первую очередь потому, что их взрыв может отвлечь людей от еды. Поскольку дверь в прихожую была открыта, я увидел, как Фриц идет открывать. Мгновение спустя до меня донесся его голос. Он убеждал кого-то обождать в кабинете, пока Вулф не закончит с ланчем. Что ответил посетитель, я так и не услышал, но различил звуки приближающихся шагов. Мгновение спустя на пороге столовой показался мужчина, одних лет с Вулфом, крепко сбитый, мускулистый, краснолицый и очень злой.

Это был наш приятель – инспектор Кремер, возглавлявший отдел по расследованию убийств. Он подошел вплотную к столу и обратился к Вулфу:

– Здравствуйте! Извините, что помешал.

– Доброе утро, – учтиво приветствовал инспектора Вулф, для которого утро длится, пока после ланча не допит кофе. – Если вы еще не ели, могу предложить вам...

– Нет, спасибо. Я занят и тороплюсь. Вчера к вам приходила некая Синтия Нидер.

Вулф отправил в рот кусок рисовой лепешки. Боже милосердный, мелькнуло у меня в голове, никак нашу клиентку убили!

– Ну? – с напором произнес Кремер.

– Что «ну»? – резко ответил Вулф. – Вы констатировали факт. Какой реакции вы от меня ждете? Вообще-то, я ем.

– Хорошо. Значит, ее визит к вам – признанный факт. Что ей было нужно?

– Мистер Кремер, вам прекрасно известны мои привычки и правила, – произнес Вулф, сдерживая раздражение. – Я никогда не обсуждаю дела за столом. Я пригласил вас к столу. Вы отказались. Если вы обождете меня в кабинете...

Кремер грохнул кулаком по столу. Звякнула посуда. Я подумал, что Вулф запустит в инспектора кофейником – самым тяжелым из всего, что стояло под рукой. Увы, остаться за столом и насладиться этим зрелищем я не мог. В тот самый миг, когда Кремер хлопнул по столу, в дверь снова позвонили. Я решил, что на сей раз не могу доверить встречу посетителя Фрицу. Пройдя через прихожую к парадной двери, я заглянул в стекло с односторонней видимостью, и у меня словно гора с плеч свалилась. Наша клиентка была жива и вроде бы невредима. Именно она и застыла в ожидании на крыльце.

Распахнув дверь, я прижал палец к губам и прошептал: «Ни звука», краешком глаза приметив полицейскую машину, припаркованную у тротуара прямо напротив крыльца. За рулем сидел знакомый мне коп из убойного отдела, который не без интереса на нас поглядывал. Я помахал ему рукой, знаком предложил Синтии войти, закрыл дверь и, взяв девушку под локоток, завел ее в сообщающуюся с кабинетом гостиную, окна которой выходили на улицу.

Она выглядела напуганной, всеми брошенной и замученной, но при этом решительной.

– У нас в столовой полицейский инспектор по фамилии Кремер. Расспрашивает о вас. Желаете с ним увидеться?

Синтия ахнула и посмотрела на меня так, словно силилась вспомнить, кто я такой.

– Я с ним уже виделась. – Она огляделась, заметила кресло, подошла к нему и села. – Они мне... Они допрашивали меня... Несколько часов...

– Зачем? Что случилось?

– Мой дядя... – Она подалась вперед и закрыла лицо руками, но потом посмотрела на меня и произнесла: – Я хочу видеть Ниро Вулфа. – Затем снова уткнула лицо в ладони.

Я понял, что Синтия еще не скоро будет в состоянии связно разговаривать, поэтому сказал:

– Оставайтесь здесь. Сидите тихо. Стены тут звуконепроницаемые, но шума поднимать все равно не стоит.

Вернувшись в столовую, я обнаружил кофейник на прежнем месте, однако битва была в самом разгаре. Вулф стоял, оцепеневший от ярости.

– Нет, сэр, – произнес он своим самым ледяным тоном, – я не закончил «жрать», как вы изволили выразиться. Я бы с удовольствием съел еще две лепешки и выпил кофе. Но вы вломились в мой дом и помешали мне завершить ланч. Не будь вы представителем закона, мистер Гудвин живо вышиб бы из вас дух и вышвырнул вон.

Вулф пришел в движение, протопал к двери, пересек прихожую и проследовал в кабинет. К тому моменту, когда Кремер опустился в красное кожаное кресло, Вулф уже сидел за столом и шумно сопел, поджав губы.

– Ладно, замнем для ясности, – хрипло произнес Кремер, пытаясь помириться, но Вулф не проронил ни слова. – Я всего-навсего хочу узнать, зачем к вам приходила Синтия Нидер. Вы имеете полное право поинтересоваться, зачем мне это нужно. Я бы и сам сказал, если бы вы не вышли из себя просто потому, что я заявился к вам, когда вы набивали брюхо. Произошло убийство. – (Вулф по-прежнему хранил молчание.) – Прошлым вечером. Между восемью часами вечера и полночью. В офисе компании «Домери и Нидер», на двенадцатом этаже дома четыреста девяносто шесть по Седьмой авеню. Минувшим вечером Синтия Нидер находилась в офисе между девятью и половиной десятого – она сама в этом призналась. Насколько нам известно, больше в конторе никого не было. Она заявила, что пришла за эскизами. Однако у нее концы с концами не сходятся. Тело обнаружили сегодня утром на полу посреди офиса. Жертву ударили по затылку деревянной палкой, которую используют, чтобы поднять или опустить оконную раму. Латунный крюк, сидящий на конце палки, с десяток раз вогнали в лицо погибшего – его гарпунили, как рыбу.

Вулф прикрыл глаза. Я же решил поддержать Кремера: как-никак начальник убойного отдела, получает жалованье за расследование убийств и к делу своему подходит ответственно.

– И кого же убили? – дружелюбно осведомился я.

– Не опознан никем, – язвительно произнес он без тени ответного дружелюбия. – Совершенно никому не знаком. Документов у него при себе не было. – Он замолчал и вдруг гаркнул: – А вдруг ты его знаешь?

– С какой стати? Может, вы его опишете?

– Мужчина, телосложение среднее, около сорока лет, каштановая борода, шатен, волосы зачесаны на левый пробор, в очках, но стекла в них простые. Знаешь такого?

Мне показалось весьма занятным, что описание Кремера во многом совпало с приметами, упомянутыми Синтией. Вот что значит изменить внешность до неузнаваемости!

Глава 5

Вулф по-прежнему хранил молчание.

– Извините, – ответил я. – Ни разу в жизни такого не встречал.

Кремер оставил меня в покое и переключился на Вулфа.

– Вы, наверное, согласитесь, что в сложившихся обстоятельствах, – продолжил он все тем же язвительным тоном, – у меня есть право знать, зачем к вам приходила мисс Нидер. Она соврала нам дважды, прежде чем созналась, что прошлым утром была у вас. Всеми правдами и неправдами пыталась это скрыть и наотрез отказалась рассказывать, зачем просила вас о встрече. Добавьте к этому тот факт, что всякий раз, когда вы имеете хотя бы отдаленное отношение к человеку, который, в свою очередь, имеет отдаленное отношение к убийству, всегда оказывается так, что вы знаете всё. Так стоит ли объяснять, почему мне так важно услышать, зачем она к вам обратилась? Я приехал расспросить вас об этом лично, потому как прекрасно знаю, что вы за человек.

Наконец Вулф нарушил обет молчания:

– Мисс Нидер под арестом?

Кремер собрался ответить, но тут зазвонил телефон. Я снял трубку. К аппарату попросили инспектора. Он подошел к моему столу и стал говорить, точнее, слушать. В основном что-то невнятно бурчал и лишь один раз переспросил: «Что, здесь?» Тон его голоса мне не понравился. Я начал рассуждать и достаточно быстро, благодаря элементарной логике, пришел к неутешительному выводу.

Когда Кремер повесил трубку, я, не дав ему и рта раскрыть, обратился к Вулфу:

– Отвечая на ваш вопрос, спешу сообщить, что она не под арестом. Полицейским пришлось ее отпустить. У них нет на нее ничего серьезного. Они сели ей на хвост. И вот сейчас мистеру Кремеру сообщили, что она у нас. Она действительно здесь – сидит в гостиной. Я отправил ее туда и велел ждать, поскольку знаю, что вы очень не любите, когда вас отвлекают от еды. Мне привести мисс Нидер?

Кремер вернулся к красному кожаному креслу, сел и бросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Маленький заносчивый ублюдок!

Я пропустил его слова мимо ушей, посчитав, что не могу отнести к себе оскорбление. Судите сами: во мне почти шесть футов роста, а вешу я сто восемьдесят фунтов. Маленьким меня никак не назовешь.

Тем временем Кремер повернулся к Вулфу:

– Интересное получается дельце. Стоило нам ее отпустить, как она тут же кинулась сюда.

Теперь понимаете, отчего я так сильно хочу узнать, зачем она вчера приходила к вам?

– Арчи, – обратился ко мне Вулф, – ты говоришь, мисс Нидер сейчас в гостиной?

– Да, сэра.

– Это она звонила в дверь, когда мистер Кремер колотил по столу, стараясь стряхнуть с него посуду?

– Да, сэра.

– Что она сказала?

– Что хочет вас видеть, а больше ничего. Ее допрашивали несколько часов. И она устала молоть языком.

– Веди ее сюда.

Кремер начал было возражать, но я не стал его слушать. Подошел к двери в гостиную, звуконепроницаемой, как и стена, открыл ее и вежливо произнес, так чтобы слышали все:

– Вас спрашивает инспектор Кремер. Вы не могли бы к нам зайти?

Синтия встала, замаялась, но, взяв себя в руки, перешла в кабинет. Я поставил для нее напротив Вулфа одно из желтых кресел – поближе к себе и подальше от Кремера. Синтия удостоила меня кивком, села, посмотрела Кремеру прямо в глаза, перевела взгляд на Вулфа и сглотнула.

Вулф, нахмурившись, смежил веки, так что между ними остались лишь узенькие щелочки, и посмотрел на нашу гостью.

– Мисс Нидер, – угрюмо произнес он, – я работаю на вас. Вы внесли аванс. Вы подтверждаете мои слова?

Она кивнула, на секунду задумалась, стоит ли ей говорить, и в итоге сказала:

– Да, конечно.

– В таком случае для начала дам вам несколько советов. Полиция имела право вас задержать как важную свидетельницу, и в этом случае вы могли выйти на свободу только под залог. Однако этого делать не стали. Вам подарили иллюзию свободы, чтобы пустить следом хвост. Впрочем, если в какой-то момент вам понадобится куда-нибудь съездить незаметно для полицейских, в этом нет ничего сложного. Мистер Гудвин – мастер уходить от слежки. Он объяснит вам, как это делается.

Слова Вулфа не произвели на Кремера особого впечатления. Инспектор вытащил сигару и стал катать ее между ладонями. Никогда не мог уразуметь, зачем он это делает. Обычно сигару разминают, чтобы она лучше раскуривалась, но инспектор почти никогда ее не закуривал, предпочитая просто жевать.

– Насколько я понимаю, – продолжил Вулф, – мистер Кремер и его сотрудники заставили вас признать, что вчера вы приходили ко мне. Однако вы отказались объяснить им, что послужило причиной вашего визита. Это так?

– Да.

– Хорошо. Очень разумно с вашей стороны. Вас подозревают в убийстве, поэтому пока не спешите разглашать свои маленькие секреты. У всех нас есть тайны, которые мы раскрываем, лишь когда не остается другого выхода. Однако мое положение сильно отличается от вашего. Я не адвокат, а потому сведения, которые вчера вы сообщили мне, увы, не защищены правом на конфиденциальность. В силу профессии я вынужден поддерживать хорошие или по меньшей мере сносные отношения с полицией, иначе лишусь лицензии частного детектива. Я не могу пойти на открытый конфликт с полицейским инспектором. Кроме того, я уважаю мистера Кремера. Более того, я восхищаюсь им и хочу ему помочь. Все это я говорю вам для того, чтобы вы правильно поняли мои дальнейшие действия. – Синтия открыла было рот, но Вулф выставил вперед ладонь, останавливая ее, и девушка не проронила ни слова, затем он обратился к Кремеру: – Поскольку целая армия ваших сотрудников вот уже несколько часов усиленно ведет розыск, думаю, вы успели выяснить, что вчера мистер Гудвин присутствовал на показе осенней коллекции «Домери и Нидер».

– Да, я в курсе.

– Но не сочли нужным об этом упомянуть.

– Просто не успел.

– Решили попридержать эти сведения в резерве? – улыбнулся Вулф; более гадкой улыбки на его лице я еще не видел. – Итак, вы слышали, что минуту назад я сказал мисс Нидер. Она приходила ко мне вчера утром, чтобы посоветоваться насчет своего дяди.

– Вот как? Какого еще дяди?

– Мистера Пола Нидера. Его нет в живых. Мисс Нидер унаследовала его половину компании. Если вы покопаетесь в старых газетах, то узнаете, что чуть больше года назад он покончил с собой, прыгнув в один из гейзеров Йеллоустонского парка. Мисс Нидер рассказала мне не только об этом, но и о многом другом: текущем положении дел в компании, ее теперешнем статусе, смерти дядиного компаньона и его супруги, ну и так далее. Я не запомнил всего того,

что она мне говорила, да и не ставил перед собой подобной цели. По сути дела, она вывалила на меня мешанину фактов, которые ваши сотрудники с легкостью могут извлечь из других источников. Однако я пришел к некоторому заключению. И это, пожалуй, единственное, что может вам помочь. Я пришел к выводу, что мисс Нидер сама толкнула дядю в гейзер. Это она убила его. Потом испугалась, что ее выведут на чистую воду, и пришла ко мне в надежде, что я помогу ей выйти сухой из воды.

– Да что вы такое... – Синтия просто не находила слов. – Вы...

– Закройте рот! – резко оборвал ее Вулф и повернулся ко мне. – Арчи, у тебя сложилось аналогичное впечатление?

– Именно, – уверенно произнес я.

Синтия прекрасно владела собой. Она закрыла рот, как ей и велели. Если бы Кремер не глядел на нас так пристально, я бы рискнул ей подмигнуть или хотя бы ободрить взглядом.

– Спасибо, что поделились своими выводами, – проворчал Кремер. – Она призналась в этом сама? Сама сказала, что убила своего дядю?

– Ну что вы! Нет, конечно.

– Чего именно она хотела от вас?

Вулф расплылся во все той же гадкой улыбке:

– В этом-то вся и суть. Именно потому я и пришел к выводу, что дядю убила она. Она толком не удосужилась объяснить, чего ей от меня надо. Так что я не могу ответить на ваш вопрос.

– В таком случае скажите, какое задание вы дали Гудвину, когда отправили его на показ осенней коллекции в «Домери и Нидер»?

Вулф нахмурился и повернулся ко мне:

– Ты не припоминаешь, Арчи?

– Как такое забудешь? – пришел я на помощь, причем с радостью. – Вы велели смотреть в оба, держать ушки на макушке, а после обо всем доложить вам. – Просияв, я глянул на Кремера. – Никакие танцовщицы с Багамских островов не сравнятся с красотками, которых я видел. Только представьте: вы сидите в кресле и смотрите, как на подиум одна за другой поднимаются шесть очаровательных...

– Черт подери, вы лжете! – прохрипел Кремер.

Вулф едва заметно, на одну восьмую дюйма, поднял подбородок.

– Мистер Кремер, – холодно произнес он, – я устал. Коль скоро вы уже здесь, мистер Гудвин не может вышвырнуть вас за дверь. Однако нам никто не помешает оставить вас здесь, а самим подняться наверх. Вы не хуже меня знаете, что полицейское удостоверение не дает вам права на всевластие и произвол. – Вулф отодвинулся с креслом от стола и встал. – Вы утверждаете, что я лгу. Докажите это. Вспомните базарный скандал, который вы закатили в моей столовой. Да я и за меньшее стал бы вам врать днем и ночью. Теперь относительно убийства бородача. Какое я имею к нему отношение? А мистер Гудвин? Ха! Попробуйте увяжите нас с этим преступлением, если сможете. Если же вы, окончательно потеряв голову, решите нас задерживать как главных свидетелей, мы преподадим вам несколько уроков изворотливости и лжи. И не думайте, что мы попросим выпустить нас под залог. Мы утрем вам нос *habeas corpus ad subjiciendum*¹ так, что вообще свернем его напроочь! – Вулф перевел взгляд на нас. – Пойдемте, мисс Нидер. Идем, Арчи.

Обогнув красное кожаное кресло, Вулф направился к двери в прихожую. Я поспешил за ним, по дороге подхватив под локоть Синтию. Мне представлялось, что наш путь лежит в оранжерею, расположенную на крыше.

¹ Ты должен доставить в суд личность заключенного (*лат.*). В английском уголовно-процессуальном праве судебный приказ о доставлении в суд лица, содержащегося под стражей, для выяснения правомерности содержания его под стражей.

Когда мы вышли в прихожую, я стал гадать, поместимся ли мы втроем в персональный лифт Вулфа, не уронив при этом достоинства. Однако мне так и не удалось это выяснить.

Я уже раскрыл рот, желая сказать Вулфу, что мы с Синтией поднимемся по лестнице, но тут мимо нас пронесся Кремер. Не удостоив нашу компанию взглядом, он направился к выходу, рывком открыл дверь, выскочил на крыльцо и с грохотом захлопнул ее за собой.

Я подошел к двери и запер ее на цепочку. Теперь, если явится посетитель, будем общаться с ним через щель шириной в два дюйма. Вполне достаточно, чтобы просунуть бумаги, если он принесет их с собой.

Вулф отвел нас обратно в кабинет, жестом предложил сесть, после чего строго спросил Синтию:

– Так это вы убили его?

Девушка посмотрела ему в глаза и сглотнула. Затем она понурила голову и прикрыла лицо руками. Плечи у Синтии затряслись, и она зарыдала.

Глава 6

Это было ужасно. Кроме прерванной трапезы, лишь одна-единственная вещь могла столь же сокрушительно и бесповоротно лишить Вулфа душевного равновесия – женский плач. И если первое приводило его в ярость, то второе повергало в панику.

– Она сейчас успокоится, – попытался я приободрить шефа. – На нее просто слишком много...

– Сделай так, чтобы она перестала реветь, – в отчаянии прошептал он.

Я подошел к Синтии, силой развел руки, которыми она прикрывала лицо, взял за подбородок и впился поцелуем ей в губы. Девушка рванулась в сторону, оттолкнула меня и воскликнула:

– Что, черт подери, вы делаете?!

Гнев и возмущение гораздо лучше слез. Я повернулся к Вулфу и с укоризной изрек:

– Ее нельзя винить. Думаю, дело тут не в страхе или в отчаянии. Скорее всего, она просто голодна. Бьюсь об заклад, у нее маковой росинки во рту не было с самого завтрака.

– Боже всемогущий! – вытаращил глаза Вулф. – Мисс Нидер, это правда? Вы что, с тех пор ничего не ели?

Она покачала головой:

– Они продержали меня все утро... А потом, когда отпустили, я хотела как можно быстрее добраться до вас...

Вулф уже надавил на кнопку. Поскольку дверь кухни отделяло от кабинета всего пять шагов, через несколько мгновений на пороге стоял Фриц.

– Живо подай сэндвичи и пиво, – велел Вулф. – Вы хотите пива, мисс Нидер?

– Вам совершенно не обязательно меня кормить.

– Вздор! Пиво? Красное вино? Молоко? Бренди?

– Скотч с водой. Скотч вполне подойдет.

В результате нам пришлось прерваться минут на двадцать, а то и больше. Вулф весьма трепетно относится не только к своим трапезам. Когда Фриц принес поднос, Синтия сразу же взяла стакан со скотчем, а вот когда дело дошло до сэндвичей, засмушалась. Нам с Вулфом пришлось ее уговаривать. Впрочем, стоило ей только попробовать домашний паштет, как всякая надобность в уговорах отпала. Чтобы девушка спокойно поела, Вулф, желая создать непринужденную атмосферу, завел со мной неспешный разговор о записях прорастания семян орхидей. О Кремере даже не заикался – уж слишком свежи были воспоминания Синтии об инспекторе. Когда она покончила с сэндвичами, я убрал поднос на стол рядом с большим глобусом, оставив девушке стакан со скотчем, после чего сел на свое место.

– Ну как? Вам лучше? – спросил Вулф, настороженно глядя на Синтию.

– Да, гораздо лучше. Похоже, я и в самом деле была очень голодна.

– Хорошо. – Вулф откинулся на спинку кресла и вздохнул. – Итак, стоило полиции вас отпустить, как вы тут же направились ко мне. Значит ли это, что вам нужна моя помощь в этих новых обстоятельствах?

– Конечно нужна. Я хочу...

– Прошу меня извинить, но дело пойдет гораздо быстрее, если разговор буду вести я. Мистер Кремер вполне способен направить сюда своих сотрудников с ордером, поэтому давайте будем лаконичными. Прежде чем мы двинемся дальше, я хочу получить ответы на несколько вопросов. Итак, во-первых: это вы убили того человека? Адвокаты сотрудничают с убийцами и прекрасно с этим справляются. Однако я не адвокат. А кроме того, я гнушаюсь брать деньги с убийц. Так это вы его убили?

– Нет. Я хочу...

– Мне достаточно одного «нет». Если это правда. Вы говорите правду?

– Да. Я не убивала его.

– В силу ряда причин я склонен вам поверить. Вот, например, если бы вы не смогли сейчас есть... Впрочем, не будем пока на этом останавливаться, – оборвал себя Вулф и перевел взгляд на меня. – Как думаешь, Арчи, мисс Нидер – убийца?

Я посмотрел на нее, поджав губы. Наши глаза встретились. Не буду отрицать, девушка выглядела какой-то взъерошенной и неухоженной, лишь отдаленно напоминая ту красавицу, которая всего сутки назад вышагивала по подиуму в бальном платье из тонкой швейцарской кисеи с оборками на плечах. Она явно угодила в передрагу, но вряд ли кого-то убивала.

– Нет, сэр, – покачивая головой, сказал я Вулфу. – Доказательств у меня нет, но я голосую против. По тем же причинам, что и вы. Кроме того, добавлю, что едва ли смог бы прервать поток ее слез поцелуем, если бы она с десятков раз всадила крюк в лицо бедолаги. Нет, ни за что на свете.

– Тогда с этим все ясно, – кивнул Вулф. – Итак, она никого не убивала. Конечно, в ходе расследования могут всплыть факты, неумолимо свидетельствующие об обратном. Что ж, в таком случае мы пожалеем о своем простодушии. Еще один вопрос, мисс Нидер: тот человек, которого вы видели неделю назад и приняли за дядю, и убитый – одно и то же лицо?

– Да, – отозвалась Синтия и тут же добавила: – Это дядя Пол. Я видела его. Я отправилась...

– Не торопитесь. В свое время мы доберемся и до этого. Поскольку, по крайней мере теоретически, я исхожу из того, что вами движут честные намерения, то допускаю, что ваш вчерашний рассказ не был пустой болтовней и вздором. Вчера вы сообщили, что неделю назад видели человека, которого приняли за дядю. Сейчас этого уже недостаточно. Мне требуется больше информации, и я надеюсь, что она у вас есть. Почему вы так уверены, что это ваш дядя?

– Да я просто сразу поняла, что это он, – уверенно ответила Синтия. – Может, сильно постаравшись, я бы сумела вам объяснить, как узнала его, но теперь в этом нет необходимости. Сейчас я уже могу доказать, что это был мой дядя. Я как раз пыталась вам рассказать. Помните, я говорила о личных бумагах дяди? Мол, их забрал Джин Домери и теперь они у Бернарда. Прошлым вечером я отправилась их искать и увидела... Увидела на полу труп. Сами можете представить... – Замолчав, она сделала выразительный жест.

– Да, могу, – согласился Вулф, – продолжайте.

– Я заставила себя подойти поближе и осмотреть тело. Лицо человека было страшно обезображено, но борода и эти прилизанные волосы... Мне хотелось что-нибудь предпринять, но у меня сдавали нервы. Пришлось присесть, чтобы взять себя в руки. Теперь говорят, я провела там пятнадцать минут. Не думаю, что у меня ушло столько времени, чтобы справиться с духом... Впрочем, может, полицейские и правы. Одним словом, я подошла к телу, задрала штанину на правой ноге и стянула носок. Я нашла то, что искала: два маленьких шрама примерно в четырех дюймах над щиколоткой. Эти шрамы мне знакомы. Дядю однажды покусала собака. Я их внимательно осмотрела. Затем вынуждена была снова присесть... – Она умолкла с открытым ртом. – Ах вот оно что! – неожиданно воскликнула девушка. – Теперь я понимаю, как набежало пятнадцать минут! Я совсем забыла о том, что присела во второй раз...

– Затем вы ушли? Что вы делали дальше?

– Вернулась к себе домой и позвонила мистеру Демаресту. Я не...

– Кто такой мистер Демарест?

– Он адвокат. Друг дяди Пола, его душеприказчик. Я не стала ему говорить о том, что на прошлой неделе видела дядю, поскольку не имела ни малейших доказательств. Решила сперва отыскать дядю, поговорить с ним, потому и обратилась за помощью к вам. Однако когда я вернулась домой, то сочла, что мне остается одно: позвонить мистеру Демаресту. Так я и сделала. Но мне сказали, что он вышел...

– Черт подери! – громыхнул Вулф. – Почему вы не позвонили мне?

– Ну... – Синтия затравленно посмотрела на него. – Я же вас совсем не знаю... Во всяком случае, знаю не настолько хорошо, чтобы обращаться к вам в подобной ситуации. Откуда мне было знать, во что вы поверите, а во что нет?

– Ну-ну, – язвительно отозвался Вулф, – то есть вы решили утаить от меня случившееся, даже не подумав, что я могу заглянуть в газету и прочесть об убийстве. И что насчет адвоката? Он готов защищать вас в суде?

Девушка покачала головой:

– Мне так и не удалось с ним поговорить. Я перезвонила ему в половине двенадцатого ночи. Думала, что в столь поздний час он уже точно дома. А его все еще не было. Понимаете, я находилась в таком состоянии, что мне даже в голову не пришло оставить сообщение с просьбой перезвонить. Я хотела перезвонить ему в полночь, а пока прилегла на диванчик и, хоть в это трудно поверить, уснула. Когда я проснулась, на часах было почти семь утра. Я все хорошенько обдумала еще раз и решила никому ничего не говорить. Когда наступает сезон показов, в здании после рабочего дня вертится много посторонних. Я понадеялась, что люди, ехавшие со мной в лифте, меня не запомнят. Кроме того, охрана хорошо меня знает и я, забежав в офис, не стала расписываться в книге. У нас с этим вообще не очень строго. Правда, я очень глупо поступила? – (В ответ Вулф глухо застонал.) – Само собой разумеется, наутро я должна была как ни в чем не бывало явиться на работу. Это далось мне непросто, но я справилась. Когда я пришла в офис, туда уже набилась куча народу: полицейские, сыщики... Не прошло и трех минут, как меня увели в костюмерную на допрос. Я как последняя дура соврала им, что прошлым вечером не заходила в офис, а они уже знали, что я там была. – Синтия всплеснула руками. – Когда меня отпустили, я позвонила мистеру Демаресту в офис, но мне сказали, что он ушел на ланч. Тогда я поехала к вам.

Глава 7

Вулф громко и очень глубоко вдохнул.

– Ну что ж... – произнес он, открыв и снова полуприкрыв глаза. – Вы говорите, что вам нужна моя помощь в этих новых обстоятельствах. И чего же вы хотите? Чтобы я отвел от вас приговор за убийство?

– Приговор? За убийство? – вытаращила глаза Синтия. – За убийство собственного дяди? Я бы ни за что... – У нее снова задрожал подбородок.

– Сбавьте обороты! – зарычал я на Вулфа. – Или вы хотите, чтобы я снова полез к ней с поцелуями? Она не плакса. Это вы перегибаете со своей прямолинейностью. Используйте эвфемизмы. Образную речь.

– Она ведь еще не проголодалась? – раздраженно предположил Вулф, но все же пошел на попятную. – Мисс Нидер, если вы подыскиваете человека, который бы защищал вас в суде, и ничего другого вам не нужно, наймите адвоката. Я на эту роль не гожусь. Если же вы хотите изловить убийцу своего дяди и сомневаетесь, что с этим делом справится полиция, то я к вашим услугам. Так кто же вам нужен – адвокат или я?

– Вы, – ответила Синтия; ее подбородок уже перестал дрожать.

Вулф одобрительно кивнул в знак того, что она приняла здравое решение.

– Тогда мы знаем, что делаем. – Он кинул взгляд на стену, где висели часы. – Через двадцать минут мне надо будет идти в оранжерею, где я ежедневно работаю с орхидеями с четырех до шести. Пока главный вопрос заключается в следующем: кто знает, что убитый – Пол Нидер? Кому это известно, кроме вас?

– Никому, – уверенно произнесла девушка.

– То есть в вашем присутствии никто ни словом, ни жестом не выдал, что знает убитого или хотя бы подозревает, что убитый – мистер Нидер?

– Никто. Все сказали, что никогда его раньше не видели и не имеют ни малейшего понятия, кто это и каким образом он проник в офис. Конечно... его лицо было в таком состоянии, что... как догадаешься...

– Разумеется. Однако мы будем исходить из того, что убийца знал, кто его жертва. Надо быть полным ослом, чтобы полагать иное. Также предположим, что убийца уверен: никто, кроме него, не знал о воскрешении вашего дяди. Таким образом, у нас преимущество. Вы уверены, что никоим образом не выдали себя, когда на прошлой неделе увидели вашего дядю?

– Да, уверена.

– Прекрасно. Это тоже будет нашим преимуществом. Однако обратите внимание на следующий момент: если тело предадут земле неопознанным, вам, возможно, придется еще долго ждать вступления в права наследства. Более того, вы не сможете заявить свои права на тело и устроить подобающие похороны. Вдобавок не исключено, что от полицейских будет больше толку, если открыть им личность убитого.

– А они мне поверят?.. Смогут держать все в тайне, пока не поймают убийцу?

– Возможно, но я бы на это не рассчитывал. Не исключено, им взбредет в голову, что вы убили дядю ради его доли в компании. В этом случае друзей и знакомых попросят опознать тело. В частности, за этим наверняка обратятся к мистеру Демаресту. Это и есть одна из причин, по которым я не хочу ничего рассказывать полиции. Другая причина – сегодняшнее поведение мистера Кремера. После того, что он тут устроил, я вообще ничего не собираюсь ему рассказывать. Но вас я останавливать не буду. Вы хотите поведать все инспектору?

– Нет.

– Ну и не надо. А сейчас... – Вулф посмотрел на часы. – Вы можете предположить, кто убил вашего дядю?

- С чего бы?! Конечно же нет.
- Что, вообще никаких версий?
- Нет!
- Сколько человек работает в офисе?
- Около двухсот.

Вулф фыркнул и нахмурился:

- Кто-нибудь из них мог проникнуть в офис после окончания рабочего дня?

– Без ключа – исключено. Вплоть до первого показа для прессы и даже до первого показа оптовикам в офисе каждый вечер оставалось немало народу – подготовка шла в авральном порядке. В остальное время после работы никто не задерживается. Именно поэтому я вчера вечером отправилась на поиски бумаг.

- И что же, вчера вечером никто не работал?
- Нет, не было ни единой живой души.
- У кого есть ключи от офиса?

– Дайте подумать, – сосредоточенно произнесла она. – У меня. У Бернарда Домери... У Полли Зареллы... У Роупера. Вот и все. Хотя нет, еще есть у мистера Демареста. Как душеприказчик дяди, он присматривает за его долей бизнеса.

- Кто открывает офис утром и закрывает вечером?

– Полли Зарелла. Вот уже долгие годы это ее обязанность. Так уже было заведено, когда я пришла в компанию.

- Таким образом, всего имеется пять ключей?

- Да, их всего пять.

– Ну и как прикажете доверять вашим словам? – фыркнул Вулф. – Я сам могу назвать еще двух человек, располагавших ключами. А вы о них не упомянули. Что, у вашего дяди не было ключа? Скорее всего, прошлым вечером он открыл офис именно своим ключом. А Джин Домери? Что, и у него ключа не было?

– Я говорила только о тех, кто имеет ключи теперь, – с оттенком возмущения ответила Синтия. – Разумеется, у дяди Пола был ключ. Про Джина Домери я ничего не знаю, но если в день гибели у него был при себе ключ, сейчас он покоится на дне океана. Если же Джин его с собой не взял, значит ключ у Бернарда.

– Итак, – кивнул Вулф, – мы знаем, что, не считая вас, ключами располагают как минимум четыре человека: мисс Зарелла, мистер Домери-младший, мистер Роупер и мистер Демарест. Вы можете собрать их здесь сегодня вечером в половине девятого?

- Как это – здесь? – вытаращила глаза Синтия.

- Так – здесь. У меня в кабинете.

– Боже милосердный! – воскликнула пораженная Синтия. – Но я же не могу приказать им явиться к вам. Я не могу попросить их помочь вывести на чистую воду убийцу моего дяди, потому что они не знают, что погибший – мой дядя! Кроме того, не забывайте, что все они... ну, кроме Бернарда... значительно старше и считают меня ребенком. Более того, даже Бернард на семь лет старше. Мне как-никак всего двадцать один год, да и тот еще толком не ис... О боже!

Она замерла как громом пораженная, словно кто-то пронзил ее крюком.

- Ну что еще? – с напором спросил Вулф.

- Завтра же мой день рождения! Завтра мне исполняется двадцать один.

- Ну и?.. – вежливо поинтересовался босс.

- Меня будут поздравлять! – воскликнула она.

- Возможно, – согласился Вулф. – Только в этом году он будет не особенно веселым.

- Поаккуратнее, – предупредил я его. – Это одна из самых важных дат в жизни девушки!

Вулф поспешно отодвинул кресло, встал и посмотрел на меня:

– Арчи, сегодня вечером мне бы хотелось встретиться с людьми, о которых мы сейчас говорили. Сойдет и шесть вечера, но я бы предпочел, чтобы они подошли после обеда, к половине девятого. Поезжай с мисс Нидер. Она подозревается в убийстве, обратилась ко мне за помощью, и потому у нее есть все основания ждать поддержки и понимания от указанных лиц. Как-никак ей принадлежит половина компании. Кроме того, один из тех, кого я хочу видеть, – ее компаньон, другой – адвокат, а двое остальных – наемные работники. Можно ли мечтать о большем?

Он вышел за дверь и направился к лифту.

Глава 8

Честно говоря, я подозревал, что уже успел перемолвиться парой слов с Бернардом Домери. Однако, как оказалось, я ошибался. Очевидно, совладельцы компаний на Седьмой авеню не подрабатывают швейцарами во время показов коллекций. Вопреки моим ожиданиям мужчина, придирчиво осмотревший меня с головы до ног, прежде чем пропустить в демонстрационный зал, и давший от ворот поворот даме из Талсы, не был Бернардом Домери. Того человека я так больше и не видел.

Расследуя убийство, управление полиции обычно идет на определенные уступки компаниям. В частности, позволяет им функционировать в обычном режиме. Колесики и шестеренки мира коммерции должны вращаться без остановки. Стопорить их можно только в самом крайнем случае.

Хотя с момента обнаружения трупа прошло всего восемь часов, единственным видимым напоминанием о случившемся служил курносый детектив, слонявшийся у входа в офис «Домери и Нидер». Эксперты собрали что могли и отбыли. Когда мы приблизились к входу, узнавший меня детектив пристал с расспросами. Я любезно и с расстановкой объяснил, что работаю на Ниро Вулфа, а тот – на мисс Нидер. Насчет Кремера я не беспокоился. Он прекрасно знал, что, если откроет военные действия против Вулфа, тот исполнит свои угрозы. Более того, инспектор понимал, что повел себя как последний кретин, не дав Вулфу доесть две рисовые лепешки и выпить кофе. Вот если дело примет скверный оборот, допускал я, Кремер с отчаяния может взорваться и чего-нибудь натворить, но пока – сегодня и завтра – волноваться не стоит.

Посоветовавшись, мы с Синтией решили начать с ее компаньона и уселись ждать Бернарда Домери у него в кабинете. Сам он пока был в демонстрационном зале – общался с клиентами. Раньше этот кабинет принадлежал его дяде Джину. Комната светлая и просторная, богатые ковры, дорогая мебель, эскизов и фотографий на стенах едва ли не больше, чем в зале.

– Беда в том, – нахмурившись, принялась объяснять Синтия, – что Берnard – человек крайне нерешительный. Это особенно заметно, когда нужно предпринять важный шаг. Такое впечатление, что он готов обращаться за советом к астрологам и гадалкам. Зато потом, когда решение принято, его уже не свернуть с избранного пути. Он делается упрямым как осел. Когда требуется его согласие, я прибегаю к хитрости: веду себя так, словно речь идет о сущей безделице...

Дверь распахнулась, и на пороге показался мужчина. Закрыв за собой дверь, он подошел к девушке:

– Извини, Синтия, но я никак не мог прерваться. Беседовал с мисс Догерти из универмага «Буллокс-Уилшир». С ней явился Брэккетт. Она считает, что ты превзошла саму себя. Особенно она без ума от тех трех... Так... А это кто?

– Это мистер Гудвин, помощник Ниро Вулфа. Знакомьтесь. Мистер Гудвин, это мистер Домери.

Я встал и протянул руку. Берnard ее пожал.

– Какой Ниро Вулф? Частный детектив? – спросил он.

Я кивнул в знак согласия. Ликование по поводу интереса, проявленного мисс Догерти из «Буллокс-Уилшир» к продукции компании, тут же испарилось. Берnard посмотрел на Синтию, покачал головой, не адресуя ей это движение, и, вместо того чтобы сесть за стол, опустился в кресло для посетителей. Со слов Синтии мне было известно, что он на четыре года моложе меня, Берnard и выглядел моложе. Да, мне не понравилось, как он просиял с порога, увидев Синтию. Вполне естественно, я узрел в нем соперника. При всем том я не мог отрицать, что

Бернард хорошо сложен, изысканно одет и, более того, умеет носить дорогую одежду. Одним словом, не урод.

Так вот, ликование и восторги угасли.

– Ужасная история, – нахмурился он. – Но какое отношение к ней имеет Ниро Вулф?

– Я с ним встретила и решила его нанять, – ответила Синтия.

– Зачем? С какой целью?

– Ну... согласись, мне же была нужна помощь. Верно? Вспомни, как со мной обошлась полиция. Они же знают, что вчера вечером, кроме меня, здесь никого не было. И как мне было поступить?

– Но это же чудовищная глупость! Ты имеешь право приходить сюда когда заблагорассудится!

– Хорошо, я с тобой согласна. Но пойми, они меня едва не арестовали.

– Тогда тебе нужен адвокат. Где Демарест? Это он тебя отправил к Вулфу?

Синтия покачала головой:

– Я еще не успела с ним встретиться, но собираюсь это сделать, как только...

– Черт подери, в первую очередь ты должна была обратиться к нему!

– Не трать понапрасну свое время, объясняя, что мне следует делать. Я с этим как-нибудь сама разберусь. Я пришла сюда, чтобы кое о чем тебя попросить.

Решив, что начало беседы получилось неважным, я поспешил вмешаться.

– Вы позволите присоединиться к вашему разговору? – любезно поинтересовался я.

Бернард хмуро на меня посмотрел.

– Вся эта история с убийством – бред чистой воды, – пожаловался он. – Нам надо жить дальше. Так, словно ничего не случилось! Ничего! Вот и все.

– Точно, – согласился я. – Такая линия поведения свидетельствует о мужестве и непричастности к преступлению. Однако могут возникнуть сложности. Если одному из вас предъявят обвинение в убийстве и отправят за решетку, потребуется недюжинная сила воли, чтобы и дальше закрывать глаза...

– Боже милосердный, но зачем?! К чему? Зачем кому-то из нас убивать человека, которого мы никогда знать не знали и видеть не видели? В первую очередь полиции надо выяснить, каким образом он проник к нам в офис. Вот чем им сейчас надо заниматься!

– Я с вами совершенно согласен, – искренне произнес я. – Но вот какая беда: вы мыслите логически, а полицейские – нет. Так что факт остается фактом. Одно из вас непременно арестуют по подозрению в убийстве. Первые кандидаты на арест – те, кто располагает ключами от офиса. В данный момент стражи закона склонны отдать предпочтение мисс Нидер, поскольку им известно, что вчера вечером она была в офисе. Доказать ее вину в суде будет значительно сложнее. Тем не менее пока полиция может запросто арестовать мисс Нидер прямо во время одного из показов осенней коллекции. Вы ведь этого не хотите? Тогда позвольте отнять у вас еще одну минуту.

– Мы чертовски заняты, – пробормотал Бернард.

– Я буду краток. Мисс Нидер наняла мистера Вулфа. Через час она побеседует со своим адвокатом Демарестом. Ну а тем временем...

Дверь отворилась. Вошел мужчина. Он обернулся, чтобы аккуратно прикрыть дверь, после чего направился к нам. Заговорил он прямо на ходу:

– Добрый день, Синтия. Добрый день, Бернард. Что, во имя всего святого, здесь происходит? – Тут он заметил меня. – Кто вы такой, сэр? Слуга закона? В каком-то смысле я тоже.

Меня зовут Демарест. Генри Р. Демарест, адвокат-консультант.

Он подошел ко мне, чтобы пожать руку. Пришлось снова встать.

– Арчи Гудвин, – представился я, – помощник частного детектива Ниро Вулфа.

– Ого! – Его брови поползли вверх. – Самого Ниро Вулфа? – Адвокат повернулся к остальным, обратив ко мне спину и толстый загривок. – Что происходит? В офисе обнаруживают труп, а я узнаю об этом от полицейского, который начинает меня расспрашивать о ключах. Позвольте полюбопытствовать: почему меня не поставили в известность о происшедшем?

– Мы были заняты, – грубо ответил Бернارد, – причем не делами компании. Сюда явилась вся полиция Нью-Йорка.

– Вчера вечером я пыталась вам дозвониться, – добавила Синтия, – но вас не было дома. А сегодня вы ушли на ланч. Поэтому я обратилась за помощью к Ниро Вулфу. Уж очень не хочется, чтобы меня осудили за убийство. Потом мистер Гудвин приехал со мной сюда. Прощлым вечером я забежала в офис на пятнадцать минут, и меня за это едва не арестовали.

Демарест кивнул в ответ. Вел он себя достаточно вольно. Кинув шляпу на стол Бернарда, адвокат уселся прямо в кресло хозяина кабинета, после чего снова кивнул Синтии:

– Я в курсе. Узнал все подробности от друга, который работает в офисе окружного прокурора. И все же, дитя мое, тебе следовало сразу же мне позвонить. Я просто обязан быть рядом с тобой. А ты, вместо того чтобы обратиться ко мне, предпочла отправиться к Ниро Вулфу. Почему?

Адвокат начал меня раздражать. Кроме того, Синтия многозначительно на меня покосилась. В ее взгляде ясно читалось: «Я что, напрасно плачу вам деньги? За работу!» Я бросился в бой:

– Мистер Демарест, вполне вероятно, на ваш вопрос смогу ответить и я. В тот самый момент, когда вы вошли, я собирался все объяснить. Вы ведь знаете, как обстоят дела?

– Я знаю, как они обстояли полчаса назад.

– Тогда вы в курсе. Я как раз растолковывал мистеру Домери, что мисс Нидер предпочла бы избежать ареста. Главным образом по этой причине она и обратилась к Ниро Вулфу. Она ему платит не за рутинный труд. Что я понимаю под «рутинным трудом»? В частности, установление личности всех тех, кто входил и выходил из здания после окончания рабочего дня. Одна лишь эта задача адски сложна, учитывая, сколь невнимательными бывают лифтеры. Дела подобного рода лучше всего доверить полиции, равно как и снятие отпечатков пальцев, лабораторные анализы, проверку алиби и прочее в том же роде. Понятное дело, пять человек, располагающих ключами от офиса, – тема для отдельного разговора. Их алиби будут проверять с особой тщательностью. За ними станут следить днем и ночью. Да что я вам объясняю – вы сами всё прекрасно понимаете. За это заплатят городские власти, а не мисс Нидер. Такой работой мистер Вулф не занимается.

– Если исключить все перечисленное вами, остается мало чего, – заметил Демарест.

– Вполне достаточно, чтобы мистер Вулф не скучал. Насколько я понимаю, мистер Демарест, вам доводилось слышать о моем боссе и потому вы знаете, что у него свои методы ведения расследования. Как раз сейчас он занимается совершенным здесь убийством. Вот, собственно, почему я здесь. Он прислал меня договориться с вами о небольшой встрече, которая состоится сегодня вечером у него. На эту встречу мистер Вулф хочет пригласить мисс Нидер, мисс Зареллу, мистера Домери, мистера Роупера и вас. Именно эти пять человек, включая вас, являются счастливыми обладателями ключей от офиса. Если не возражаете, Вулф будет рад видеть вас в половине девятого. В ходе встречи вам предложат закуски и освежающие напитки.

Бернارد и Демарест издали некие звуки. Первый нетерпеливо хмыкнул, а вот второй, похоже, усмехнулся.

– Значит, нам назначают аудиенцию, – произнес адвокат.

– Я никогда бы даже мысленно не посмел облечь приглашение мистера Вулфа в подобную форму, – осклабился я.

– Вы – нет, а нам это вполне по силам. – Он снова усмехнулся. – Мы счастливые обладатели ключей от офиса. Позвольте кое-что сказать. По вашим словам, мисс Нидер видит главную

задачу Вулфа в том, чтобы помочь ей избежать ареста. Совершенно очевидно, что он решил выполнить эту задачу, выдав полиции настоящего преступника, который отправится под суд и будет наказан. Вполне допускаю, что это может оказаться делом непростым, дорогостоящим – и совершенно излишним. Если мисс Нидер прибегнет к моим услугам, я гарантирую тот же результат, причем сил потрачу и денег возьму с нее в десять раз меньше. Согласитесь, будет справедливо, в первую очередь по отношению к ней, предложить ей выбор. – С этими словами он повернулся к девушке. – Синтия, деньги твои, решать тебе. Чего ты хочешь? Ты предпочтешь заплатить Ниро Вулфу, чтобы он действовал своими методами?

На секунду я подумал, что девушка заколебалась. Я ошибся. На самом деле она подбирала слова.

– Да, я предпочту заплатить Ниро Вулфу, – твердо сказала она. – Мне никогда раньше не доводилось нанимать частного детектива. Меня подозревают в убийстве. Если вы считаете, что сейчас не самый подходящий случай искать помощи у сыщика, то когда вообще к ним обращаться?

– Так я и думал, – удовлетворенным тоном произнес Демарест. – Именно это я и предполагал. Гудвин, вы сказали, нам назначено на половину девятого?

– Это время – самое оптимальное. Когда мистер Вулф не занят мыслями о еде, у него гораздо лучше работает голова. Так вы приедете?

– Разумеется, приеду. Я предпочитаю экономить силы и не тратить их понапрасну. Мне куда проще съездить к мистеру Вулфу, чем отговорить мисс Нидер от сотрудничества с ним. – Адвокат улыбнулся Синтии. – Дитя мое, мне бы хотелось поговорить с тобой наедине.

– Простите, а вы могли бы с этим подождать еще несколько минут, пока я обо всем не договорюсь? – спросил я. – Ну как, мистер Домери? Вы составите нам компанию?

У Бернарда явно испортилось настроение. Со всей очевидностью можно было заключить, что он задумался о чем-то невеселом. Сидел ссутулившись и переводил взгляд с Синтии на Демареста, с него на меня, а потом снова на Синтию.

– Ну так как? – поторопил я его.

– Не знаю, – буркнул он. – Я подумаю.

Синтия тихо фыркнула.

Демарест с раздражением посмотрел на Бернарда:

– Все как обычно. Ты подумаешь. Да о чем тут думать?

– О бизнесе, – заявил Бернард. – Дела и без того плохи, ведь у нас в офисе обнаружили убитого человека. Если мы все впятером отправимся на встречу с частным детективом, то фактически признаем, что имеем к этому убийству некое отношение. Разве не так?

– Я наняла мистера Вулфа сама, – резко ответила Синтия.

– Я знаю, Синтия, – ответил он умоляющим тоном, будто бы чувствуя вину за собственную нерешительность. – Но ведь нам, черт подери, надо думать и о бизнесе, так? Возможно, эта встреча нецелесообразна. Я просто даже не знаю.

– Сколько вам нужно времени на раздумья? – любезно поинтересовался я. – Его не так уж и много. Сейчас уже пять вечера. Полутора часов будет достаточно? Вы сможете принять решение к половине седьмого?

– Думаю, да, – неуверенно ответил Бернард и затравленно огляделся, словно был забившимся в норку сурком, а мы – охотничьими собаками, роющими землю, чтобы до него добраться. – Я дам вам знать. Как с вами связаться? Где вас можно будет найти?

– Сложный вопрос, – отозвался я. – Мне нужно пригласить на встречу еще двоих: мисс Зареллу и мистера Роупера. Вы мне очень поможете, если вызовете их к себе в кабинет. Или этот шаг вам тоже надо обдумать?

Демарест усмехнулся. Синтия бросила на меня предостерегающий взгляд, в котором читалось: «Будьте осторожны, не злите его».

– Чего мне надо, а чего не надо, я как-нибудь разберусь сам! – запальчиво ответил Бернارد, затем встал и подошел к столу. – Мистер Демарест, вы не могли бы пересесть?

Адвокат выбрался из кресла Бернарда. Домери сел, снял телефонную трубку и произнес в нее:

– Попросите, пожалуйста, мистера Роупера и мисс Зареллу зайти ко мне в кабинет.

Глава 9

Они вошли вместе.

Как оказалось, Полли Зареллу я уже видел. Именно она перед показом вышла из левой двери и дала сигнал к началу. Как и прежде, за исключением возраста, ничего общего между ней и своей матерью я не увидел. Губы покрывал такой же толстый слой помады. Платье на ней было другое, но опять же с плечиками. Синтия поведала мне, что Полли – важная шишка, занимает пост директора по производству и, как никто, умеет обращаться с иголками и ножницами. Однако повстречай я мисс Зареллу на улице, подумал бы, что она профессионалка совсем иного рода.

После того как меня представили, Бернард предложил вошедшим присесть, а затем сказал:

– Сразу хочу извиниться за то, что отнимаю у вас время, но сегодняшний день и так пошел коту под хвост. Мистер Гудвин хочет кое о чем вас попросить.

Когда они уставились на меня, я одарил их ободряющей улыбкой:

– Поскольку вы люди занятые, я буду краток. Снова суета и кутерьма. И все из-за убийства у вас в офисе. Мисс Нидер попала в переplet. Мало того что она была здесь прошлой ночью, так еще пыталась это отрицать во время допроса. Потому полицейские сейчас уделяют ей излишне пристальное внимание. В надежде это исправить она обратилась за помощью к моему боссу, Ниро Вулфу. Мистер Вулф хотел бы побеседовать с людьми, у которых есть ключи от офиса. Вас таких пятеро, и все вы сейчас здесь. Он прислал меня спросить, не могли бы вы сегодня подъехать к нему к половине девятого вечера? Разумеется, на встрече будет присутствовать и мисс Нидер. Явится и мистер Демарест. Мистер Домери еще обдумывает приглашение и даст знать о своем решении чуть позже. Мы действуем в интересах правосудия. Наша встреча поможет во многом разобраться и вернуться к нормальной работе. Кроме того, приехав к мистеру Вулфу, вы окажете любезность самой мисс Нидер. Итак, вас ждать?

– Нет! – решительно отрезала Полли Зарелла.

– Нет? – вежливо переспросил я.

– Нет, – повторила она. – Я и так уже потеряла сегодня уйму времени. Весь вечер я буду работать с закройщиками.

– Поймите, мисс Зарелла, речь идет об очень важной встрече.

– Я так не думаю. – (Вместо «думаю» она произнесла «тумаю».) – В офисе нашли труп. Труп убрали – и дело с концом. Теперь надо просто об этом забыть. Именно так я сказала полицейским, теперь повторю и вам. Мисс Нидер ничего не угрожает. Если бы ей что-то угрожало, я бы билась за нее вот этими руками. – Полли выставила руки с загнутыми на манер когтей пальцами. – Я бы сражалась за нее, потому что она лучший модельер во всей Америке. А может, и в Европе или даже во всем мире. Но она в безопасности. В полной безопасности.

Она встала и направилась к двери, но Синтия вскочила и, преградив ей путь, схватила ее за руку.

– Я считаю, вам следует задержаться и послушать, что скажет мистер Роупер, – заметил я. – Итак, мистер Роупер?

Уорд Роупер прочистил горло.

– Мне кажется, – выговорил он таким вкрадчивым, приторным голосом, что хотелось его удавить, – в данных обстоятельствах это не самый верный шаг.

Убедившись, что Синтия остановила Полли, я сосредоточился на Роупере. Ему было под пятьдесят, не старый еще, так что, реши я удавить его, возраст вряд ли меня остановил бы. Он выглядел подтянутым, элегантным и вышколенным – хоть отдавай в услужение королеве, только где такую королеву найдешь? Голос Роупера идеально соответствовал внешности.

– И что же с этим шагом не так? – спросил я.

Роупер наклонил голову набок и смерил меня изучающим взглядом:

– Я бы сказал, практически все не так. Я понимаю и разделяю желание мистера Домери все хорошенько обдумать. Участие во встрече означало бы, что все пятеро из нас имеют отношение к убийству, а это сущая нелепость. Я допускаю, что кто-то из нас замешан в этом деле, и весьма основательно, но остальные четверо совершенно ни при чем. Совершенно.

– К чему, черт подери, ты клонишь?! – распаясь, спросил Домери.

– Ни к чему, Бернард. Ни к чему особенному. Я просто объясняю свою реакцию на предложение.

Совершенно очевидно, настало время заканчивать игры в дипломатию. Я поднялся, встал рядом с Синтией, так чтобы видеть всех присутствующих, не выкручивая при этом шею.

– Шутить изволите? – с напором в голосе спросил я. – Так вот, если хотите знать мое мнение, паршиво это у вас получается. – Я впери́л взгляд в Бернарда. – Ну как, мистер Домери, вы хорошо подумали? Решение приняли?

– Конечно же нет! – возмутился он. – Вы за кого себя принимаете? Кто вы вообще такой?

– В данный момент я наемный работник мисс Нидер. – Я обвел взглядом присутствующих. – Вы все, за исключением Демареста, ведете себя как слабоумные! Кто я такой? А кто такая мисс Нидер? Как думаете? Маленькая девочка, которая просит вас оказать ей любезность и помочь? Черт бы вас побрал, идиоты, да ей принадлежит половина этой компании! – Я посмотрел на Бернарда. – Вы кто такой? Вы ее деловой компаньон, у вас равные доли... Да если она пожелает, может сделать с вами что угодно. А вы еще говорите, что подумаете, помогать ей или нет. Похоже, вы окончательно рехнулись! – Я повернулся к Полли и Роуперу. – А вы кто такие? Персонал, наемные служащие. Вы работаете в компании, половина которой принадлежит ей. Я от ее имени обращаюсь к вам с разумной, здоровой просьбой. Только послушайте, что вы несете в ответ! Что касается вас, Роупер: я знаю, вы хороший подражатель. Насколько я понимаю, вы, мисс Зарелла, прекрасно руководите производством. Но при этом ни одного из вас нельзя назвать незаменимым. В данном деле мы с мистером Вулфом представляем интересы мисс Нидер. И потому я приказываю вам сегодня в половине девятого вечера явиться в офис Ниро Вулфа, расположенный в доме номер девятьсот двадцать четыре по Тридцать пятой улице. – Повернувшись, я встретился взглядом с Синтией. – Мисс Нидер, вы подтверждаете мои полномочия?

– Да, – ответила она скрипучим голосом, словно ей что-то попало в горло. Кашлянув, она повторила: – Да, подтверждаю.

– Bravo! – Я повернулся. – Вы приедете, мисс Зарелла?

Полли смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых, как мне показалось, застыло восхищение. Впрочем, я могу и ошибаться.

– Ну разумеется, – ответила она так же решительно, как минуту назад сказала «нет». – Если это так важно, как вы говорите, я непременно приеду.

– Прекрасно. Что скажете вы, мистер Роупер?

Роупер пожевал губу. Понятное дело, человеку его положения было сложно вот так взять и проглотить угрозу увольнения.

– После ваших слов я, право, не знаю, что и сказать, – завел он елейным голосом, в котором чувствовалась дрожь. – Конечно, это правда, что в будущем мисс Нидер, возможно, станет владелицей половины компании, успеху которой отчасти способствовал и я, прослужив здесь верой и правдой четырнадцать лет. Так вот, это случится, если мисс Нидер никуда не денется...

– Куда она может деться? Объяснитесь.

– Разве вы не понимаете? – развел руками Роупер. – Это же очевидно. Понятное дело: ваша задача – помочь ей выйти сухой из воды. Вы – сторона заинтересованная и потому не можете быть объективным. Но полиция, как правило, в вещах подобного рода не ошибается,

а мнение полиции вам известно. – В елейных интонациях слышалась злоба. – Именно это я имел в виду. Что же касается вашего...

Уорд замолчал, потому что Бернард вдруг пришел в движение. Компаньон Синтии встал из-за стола и в четыре широких шага приблизился к стулу, на котором сидел Роупер. Озадаченный модельер поднялся, причем столь поспешно, что едва не опрокинул свой стул.

– Уорд, я тебя уже предупредил прошлым вечером, – начал Бернард, и по его тону было ясно, что шутить он не намерен. – Я уже сказал тебе один раз – следи за своим поганым языком. – Он стиснул кулаки. – А теперь извинись перед Синтией. Живо!

– Извиниться? Но что я такого...

Бернард дал ему пощечину. От души. Я не мог не одобрить поступок моего соперника. Дать пощечину этой гнуси – куда лучше моей идеи удавить его. И правильно сделал, что ударил его открытой ладонью. Бить Роупера кулаком – слишком много чести. От первой оплеухи голова модельера мотнулась влево, от второй, оказавшейся еще сильнее, – вправо.

Тут меня как громом поразила одна мысль.

– Только не увольняйте его! – вскричал я. – Этот вариант мисс Нидер не устроит! Ей нужно, чтобы сегодня вечером он был у Вулфа.

– Раз нужно, значит будет, – мрачно ответил Бернард, даже не повернувшись в мою сторону; сделав шаг назад, он, полыхнув взглядом, посмотрел на Роупера. – Чтоб был на встрече, Уорд. Ты меня понял?

Дела шли прекрасно, и я решил закрепить успех.

– А вы тоже приедете, мистер Домери? – спросил я.

Какого черта?! Дело-то решенное. Он же сам только что приказал Роуперу явиться на встречу. Однако, вопреки моим ожиданиям, Бернард повернулся ко мне и ответил:

– Я приму решение позже. И дам вам знать. Позвоню. Ваш номер есть в телефонной книге?

Демарест фыркнул от смеха.

Глава 10

Я предпочитаю всегда держать свое слово. Пообещал закуски и освежающие напитки – изволь обеспечить. На столе рядом с глобусом разместились тарелки со спелыми оливками, плоски с молочным пудингом по-турецки, три вазы с орешками и целая батарея разнообразных бутылок – от пива до лучшего бренди из коллекции Вулфа. Рядом с каждым гостем был поставлен маленький столик. Без четверти девять, когда последний из приглашенных занял свое место, на столике Синтии стоял стакан скотча с водой, у Демареста – стакан «Тома Коллинза»², у Полли Зареллы – рюмка и бутылка «Токайской эссенции»³. Лишь на столиках Бернарда Домери и Уорда Роупера не было ничего, кроме салфеток. Бернард позвонил около семи и обещал прибыть на встречу.

Если полицейские следили за присутствующими, подумал я, то, скорее всего, сейчас у нас на Тридцать пятой улице должна была скопиться целая ватага стражей закона.

До обеда я справился еще с одним непростым делом. Мне надо было рассказать о том, как прошла встреча в «Домери и Нидер». Вулф желал знать все, вплоть до мельчайших подробностей, так сказать, и либретто, и оркестровую партитуру. Требовалось изложить все, оставив время на вопросы и закруглившись до обеда. Если мы опоздаем к столу, Вулфу придется обежать второпях, а значит, весь вечер он будет в дурном расположении духа. Я посчитал, что даже без хандрящего Вулфа вечер вряд ли окажется веселым, – еще одна причина сдерживать обещание насчет закусок и освежающих напитков.

Поскольку разработка мизансцены в грядущей пьесе была доверена мне, я решил усадить Синтию в красное кожаное кресло – мне так больше нравилось. Полли Зарелла настояла на том, чтобы сесть поближе ко мне. Возможно, ею руководил материнский инстинкт. Справа от Зареллы устроился Демарест, за ним – Роупер и Бернард. Мне показалось, что я разместил их очень удачно: если Бернарду взбредет в голову снова отвесить Роуперу пощечину, ему не придется далеко идти.

– Спасибо, что приехали, – с официальным видом произнес Вулф.

– У нас не было другого выхода, – заявил Демарест. – Нас заставил ваш Гудвин.

– Вас, мистер Демарест, насколько мне известно, никто не заставлял.

– Отнюдь. Меня тоже заставили. Просто я чуть раньше остальных сообразил, что сопротивление бесполезно.

– Так или иначе, вы здесь, – пожал плечами Вулф и закатил глаза. – Полагаю, мистер Гудвин довел до вашего сведения, что в силу моих предпочтений и темперамента, а также под давлением обстоятельств сфера моей деятельности в ходе расследования весьма ограничена. Отпечатки пальцев, работа с документами, поминутное скрупулезное восстановление очередности событий, слежка – все это не для меня. Если в данном случае убийцу можно отыскать и изобличить путем тщательной проверки каждого, кто входил и выходил из здания вчера вечером, что возможно, но не неизбежно, полиция справится с этой работой. В делах такого рода они мастера. Лично у меня на это не хватает терпения. Тем не менее давайте для начала выясним, чем занимался каждый из вас с восьми вечера до полуночи. Я полагаю, вы уже рассказали об этом полиции, поэтому вам не составит труда повторить это еще раз мне, поскольку я представляю интересы мисс Нидер. – Взгляд Вулфа остановился на Демаресте. – Может, начнем с вас, сэр?

² «Том Коллинз» – коктейль из джина (или вермута) с лимоном (или лаймом) и сахаром, разбавляемый содовой водой. – *Здесь и далее примеч. перев.*

³ «Токайская эссенция» – сладкое вино, приготовляемое методом слабого брожения из заизюмленных ягод винограда. После длительной выдержки становится густым и сахаристым, как суло.

– Если бы ваш помощник задал мне сегодня днем аналогичный вопрос, то, возможно, значительно бы все упростил. Я не стал об этом рассказывать, поскольку мне было очевидно, что мисс Нидер желает собрать нас всех здесь.

– Ну так расскажите сейчас.

– Извольте. Я буду краток. Разумеется, вы хотите знать всё. Вчера днем для оптовиков проводился показ осенней коллекции «Домери и Нидер». Вы прекрасно об этом знаете, поскольку на показе присутствовал ваш человек. В результате показа назревавший в компании конфликт достиг апогея. Вот уже два года мистер Роупер все сильнее и сильнее завидует художественным талантам мисс Нидер. Ее дар модельера давно не дает ему покоя. Все началось еще до гибели Пола Нидера. Реакция публики во время показа говорила сама за себя. Мисс Нидер одарена гораздо щедрее мистера Роупера. Они, образно выражаясь, в совершенно разных весовых категориях. Исход демонстрации привел мистера Роупера в ярость. Он захотел уволиться. Но он по-прежнему нужен компании «Домери и Нидер». Его, как и раньше, можно использовать в меру сил и способностей. Поэтому было важно успокоить мистера Роупера. Поскольку мисс Нидер пока не вступила в права наследства, юридически я несу ответственность за половину компании. Мистер Домери счел нужным поставить меня в известность о случившемся и попросить о помощи. Прошлым вечером, во вторник, мистер Домери, мисс Зарелла, мистер Роупер и я встретились за обедом в ресторане. Затем мы поехали домой к мистеру Домери, где и продолжили обсуждать сложившееся положение. Мистер Роупер требовал заключить с ним новый контракт. Со мной была моя жена. Таким образом, нас было пятеро. С половины седьмого мы были вместе. Разошлись глубоко за полночь. – Тут Демарест улыбнулся и спросил: – Ну как, прояснилась ситуация после моего рассказа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.